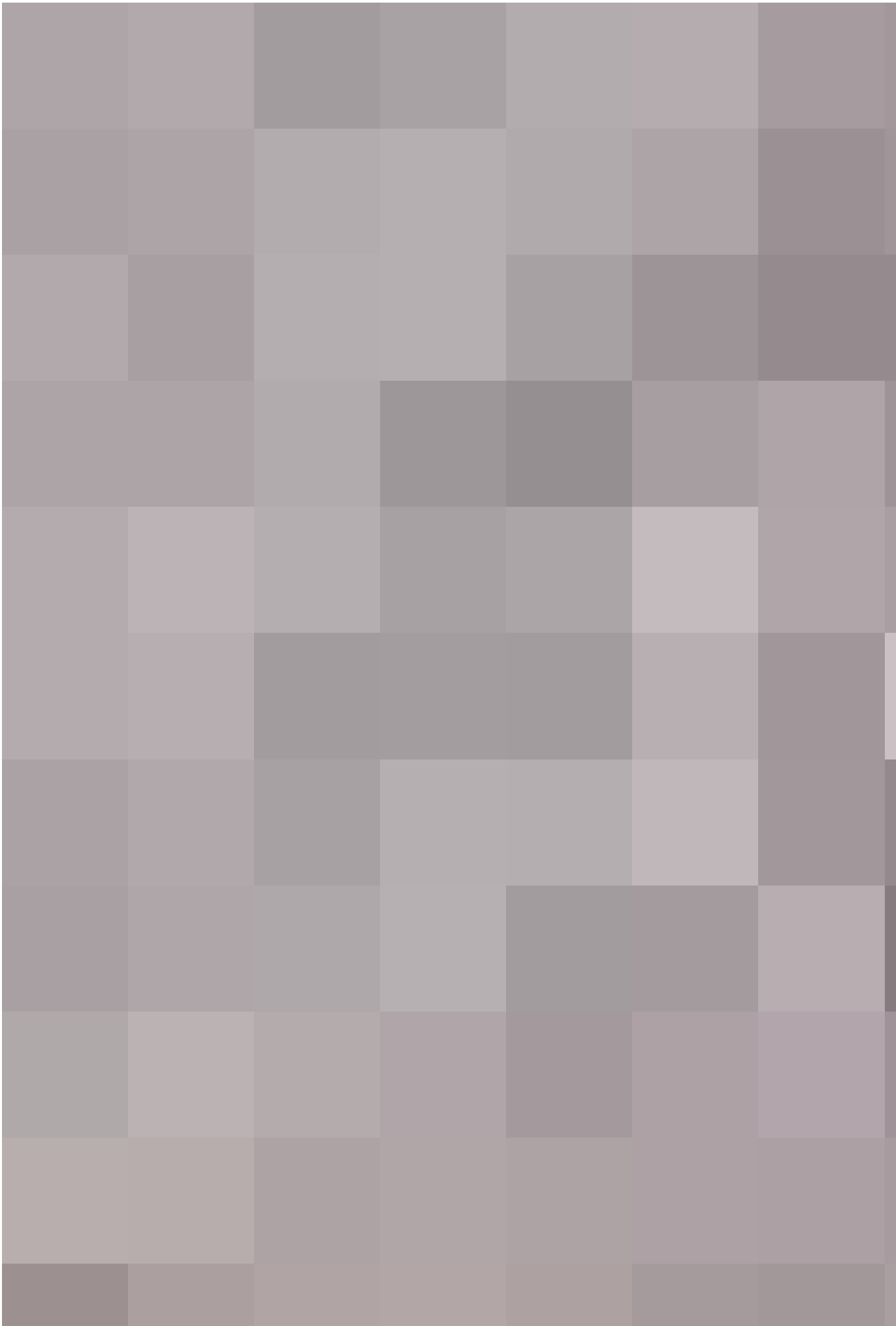

Чарльз Маккей
Наиболее распространенные
заблуждения и безумства толпы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16157691

Наиболее распространенные заблуждения и безумства толпы / Чарльз Маккей: Альпина

Паблшер; Москва; 2015

ISBN 978-5-9614-4016-4

Аннотация

Книга Чарльза Маккея является подборкой наиболее выдающихся заблуждений и безумств человечества: от финансовых пирамид до религиозных психозов. Она стала классическим трудом о массовых маниях, поведении толпы и человеческой глупости. «Заблуждения» и «безумства», изложенные в книге, относятся к хроническим «болезням» человечества. Финансовые пирамиды, коррумпированность власти, фальсификации и самообман мнимых врачевателей и пророков – все это было, есть и будет.

Содержание

Предисловие издателя	5
Предисловие к изданию 1852 года	6
Денежная мания – Миссисипский план	8
«Мыльный пузырь» южных морей	37
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Чарльз Маккей

Наиболее распространенные заблуждения и безумства толпы

Перевод Д. Кириченко

Корректор Е. Аксёнова

Компьютерная верстка М. Поташкин

Дизайн обложки Ю. Буга

© Д. Кириченко, перевод, 2003

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Паблишер», 2015

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

* * *

Предисловие издателя

Первое издание книги Чарльза Маккея в России вышло в конце 1998 года. Это был период хаоса и неопределенности, вызванных дефолтом и экономическим кризисом. Тогда нам казались наиболее актуальными главы, посвященные историям финансовых потрясений, а также глава, содержащая предсказания конца света: грядущий 2000 год вызывал у многих людей апокалиптические настроения. Переиздавая эту книгу позднее, мы обратили внимание, насколько главы с историями про алхимиков созвучны современным увлечениям экстрасенсами и паранормальными явлениями.

Есть книги, которые не устаревают. Это происходит потому, что с течением времени восприятие таких книг меняется, хотя их содержание само по себе остается неизменным. Каждое новое поколение интерпретирует их по своему. Не случайным, например, является появление в последнее время учебников по менеджменту, основанных на работах Клаузевица, Сунь-цзы и других военачальников прошлого. Генри Киссинджер (бывший госсекретарь США) писал: «История – не поваренная книга с проверенными рецептами. Она учит через аналогии, а не через аксиомы. Она может объяснить последствия предпринятых шагов в сходных ситуациях, однако каждое поколение должно само открыть для себя, какие ситуации являются на самом деле сходными». Набор ассоциаций, вызываемых «Безумствами толпы», поистине неисчерпаем. При этом каждому придется искать их самостоятельно, ведь в отличие от современных газет и телевидения свое мнение автор (он умер более ста лет назад) вам не может навязать.

*Алексей Ильин,
генеральный директор издательства «Альпина Паблишер»*

Предисловие к изданию 1852 года

Изучая историю различных народов, мы приходим к выводу, что у них, как и у отдельных людей, есть свои прихоти и странности, периоды возбуждения и безрассудства, когда они не заботятся о последствиях своих поступков. Мы обнаруживаем, что целые социальные группы внезапно останавливают свои взоры на какой-то одной цели, преследуя которую, сходят с ума; что миллионы людей одновременно попадают на удочку одной и той же иллюзии и гонятся за ней, пока их внимание не привлечет какая-нибудь новая глупость, более заманчивая, чем первая. Мы видим, как одну нацию, от высшего до низшего сословия, внезапно охватывает неистовое желание военной славы, а другая, столь же внезапно, сходит с ума на религиозной почве, и ни та, ни другая не могут прийти в себя, пока не прольются реки крови и не будут посеяны семена из стонов и слез, плоды которых придется пожинать потомкам. Население Европы эпохи раннего Средневековья потеряло голову из-за Гроба Господня и безумными толпами устремилось в Святую землю; последующие поколения довели себя до помешательства на почве страха перед дьяволом и принесли сотни тысяч людей в жертву ведьмomanии. В другой раз многие лишились рассудка на почве философского камня¹ и в погоне за ним совершали доселе неслыханные глупости. Было время, когда в очень многих европейских странах считалось простительным убийство врага с помощью медленно действующего яда. Те, кто питал отвращение к физическому устранению неугодных, без угрызений совести подмешивали им в суп отраву. Женщины знатного происхождения со светскими манерами поддавались соблазну отравления, которое при их содействии становилось еще более популярным. Некоторые мании, несмотря на их дурную славу во всем мире, существовали веками, обильно процветая как среди цивилизованных и утонченных народов, так и у древних варваров, которые их породили, – такие, как, например, дуэли и вера в предзнаменования и предсказание будущего, которые, казалось, игнорировали накопленный человечеством опыт, призванный полностью искоренить их в умах людей. И опять же, зачастую причиной массовых психозов были деньги. Рассудительные нации однажды становились отчаянными игроками и рисковали чуть ли не своим существованием ради прибыли от клочка бумаги. Цель этой книги – проследить историю наиболее известных из этих психозов. Люди, как некто удачно выразился, мыслят стадом; вы узнаете, что стадом же они сходят с ума, а в сознание приходят медленно и поодиночке.

Некоторые из описанных случаев могут быть хорошо знакомы читателю, но автор надеется, что существенная новизна деталей будет отмечена последним даже в этих эпизодах, где она призвана сделать изложение более приемлемым; к тому же данными деталями нельзя полностью пренебречь по отношению к предмету повествования, с которыми они связаны. Истории безумия «Южных морей» и Миссисипской мании изложены в этой книге полнее и подробнее, чем где бы то ни было; то же самое можно сказать об охоте на ведьм: в посвященной ей главе рассказывается, в частности, о тех ужасающих масштабах, которые она приняла в Германии, – эпизод, сравнительно мало затронутый сэром Вальтером Скоттом в его «Записках о демонологии и колдовстве», наиболее значимой из всех когда-либо изданных книг на эту страшную, но в высшей степени интересную тему.

Массовые психозы появились столь давно, распространились столь широко и длились столь долго, что для того, чтобы рассказать о них подробно, потребовалось бы написать не две или три книги, а все пятьдесят, а то и больше. Данную книгу можно считать скорее сборником рассказов о маниях, нежели историческим трудом, – одной главой огромной

---

¹ Философский камень – вещество, которое, по представлениям алхимиков, могло обращать неблагородные металлы в золото и серебро, а также было важнейшим составляющим эликсира бессмертия. – *Прим. пер.*

и ужасной книги о человеческой глупости, которую еще предстоит написать и которую Порсон, как он однажды пошутил, написал бы в пятистах томах! Читатель узнает и более невинные истории – занятные примеры подражательства и упорства в заблуждениях, а не безрассудства и обмана.

Денежная мания – Миссисипский план

*Some in clandestine companies combine;
Erect new stocks to trade beyond the line;
With air and empty names beguile the town,
And raise new credits first, then cry 'em down;
Divide the empty nothing into shares,
And set the crowd together by the ears.*

– Defoe².

Жил на свете один человек, личность и карьера которого столь тесно связаны с великим планом 1719 и 1720 годов, что история Миссисипского безумия не заслуживает более подходящего предисловия, чем беглое жизнеописание нашего героя – Джона Ло. Одни историки считают его плутом, другие – безумцем. Обоими эпитетами его щедро награждали при жизни и тогда, когда дурные последствия его проектов все еще давали о себе знать. Тем не менее последующие поколения нашли повод усомниться в справедливости этих обвинений и признать, что Джон Ло не был ни плутом, ни безумцем, а скорее заблуждающимся, нежели вводящим в заблуждение, и больше жертвой грешников, чем одним из них. Он в совершенстве знал философию и законы кредитования. Он разбирался в денежных вопросах лучше, чем кто-либо из его современников, и если его система и потерпела столь ужасающий крах, то виной тому был не столько он сам, сколько люди, среди которых он ее возвел. Он не рассчитывал на алчное безумие целой нации; он не понимал, что доверие, как и недоверие, может быть чуть ли не *бесконечным* и что надежда – вещь столь же безрассудная, сколь и опасная. Разве мог он предвидеть, что французы, как герой известной сказки, с неистовым рвением убьют его прекрасную гусыню, несущую золотые яйца?

Его судьба сродни той, которая, как можно предположить, постигла первого безрассудного лодочника, собравшегося переплыть из озера Эри в озеро Онтарио. Широкой и спокойной была река, по которой он поплыл, продвижение его было скорым и приятным, и кто мог встать у него на пути? Но увь, впереди лежал водопад! Когда уже было слишком поздно, он осознал, что влекшее его стремительное течение было гибельным; а когда он попытался повернуть назад, то понял, что слишком слаб, чтобы плыть против течения, и что скоро он рухнет в водопад. Упав вниз на острые камни, он и его лодка разбились на куски, а воды, взбаламученные и вспененные бурным водопадом, какое-то время бурлили и пузырились, а затем вновь потекли плавно, как и прежде. Именно это и произошло с Ло и французами. Он был лодочником, а они – водами.

Джон Ло родился в Эдинбурге в 1671 году. Его отец был младшим сыном в семье с древними корнями из Файфа и занимался ювелирным и банковским делом. Он нажил своим ремеслом солидный капитал, достаточный для выполнения весьма распространенного среди его соотечественников желания добавить к своему имени дворянский титул. С этой целью он купил поместья Лористон и Рэндлстон у залива Ферг-оф-Форт, на границе Уэст-Лотиана и Мидлотиана, и с этого времени стал известен как Ло Лористонский. Герой нашего повествования, старший сын в семье, в четырнадцать лет был зачислен в бухгалтерию отца и три года усердно постигал основы банковского дела, которым впоследствии и занялся в Шотлан-

---

² «Некоторые люди объединяются в нелегальные предприятия, создают новые компании, чтобы торговать воздухом, обманывают других пустыми обещаниями и вывесками, за которыми ничего нет, создавая кредитные схемы, которые впоследствии рушатся, выпускают ничем не обеспеченные акции и завлекают толпу манной небесной». Дефо. – *Прим. пер.*

дии. Он всегда проявлял большую любовь к арифметике, а его математические способности признавались выдающимися для столь юного возраста. В семнадцать лет он был высоким, сильным и хорошо сложенным, а его лицо, несмотря на глубокие оспины, было приятным. В этом возрасте он начал манкировать своими обязанностями, стал тщеславным и позволял себе экстравагантность в одежде. Он пользовался большим успехом у женщин, которые называли его Щеголь Ло, в то время как мужчины, презирая его за фатовство, дали ему прозвище Жасминный Джон. После смерти отца в 1688 году он больше не садился за опостылевший ему письменный стол; обладая немалым доходом от отцовского поместья Лористон, отправился в Лондон повидать мир.

Он был очень молод, приятной наружности, тщеславен, довольно богат и абсолютно неуправляем. И неудивительно, что по прибытии в столицу начал сорить деньгами. Став вскоре завсегдатаем игорных домов, он, следуя определенной схеме, основанной на некоей загадочной калькуляции шансов на выигрыш, ухитрялся выигрывать значительные суммы. Его удачливости завидовали все игроки, а многие из них пользовались ею, наблюдая за его игрой и делая те же ставки, что и он. Ему одинаково везло и в делах сердечных: самые красивые женщины любезно улыбались симпатичному шотландцу – молодому, богатому, остроумному и обходительному. Но все эти успехи подготавливали почву только для худшего. За девять лет опасных соблазнов беспутной жизни Ло превратился в законченного игрока. Когда его любовь к игре дошла до неистовства, благоразумие покинуло его. Чтобы выплатить огромные долги, приходилось делать еще более высокие ставки, и в один несчастливый день он проиграл больше, чем мог заплатить, не заложив семейное поместье, что он и сделал. Тогда же ему вышла боком его любвеобильность. Была ли это любовная связь или просто легкий флирт с леди Вильерс³, но это вызвало негодование некоего господина Уилсона, который вызвал нашего героя на дуэль. Ло принял вызов и имел несчастье застрелить противника с первого выстрела. В тот же день он был арестован и привлечен к суду по обвинению в убийстве, выдвинутому родственниками господина Уилсона. Позднее он был признан виновным и приговорен к смертной казни. Приговор был заменен штрафом на том основании, что убийство было непредумышленным. Один из братьев покойного подал апелляцию, и Ло был помещен в тюрьму при Суде королевской скамьи⁴, откуда он каким-то образом (о чем никогда не распространялся) сумел бежать. Против нерадивых тюремщиков возбудили дело, а о беглеце дали объявление в правительственном бюллетене и назначили вознаграждение за его поимку. Он описывался как «земельный магнат Джон Ло, шотландец, двадцати шести лет, очень высокий (более шести футов), смуглый, худощавый, хорошо сложен, на лице крупные оспины, длинноносый; речь громкая, с шотландским акцентом». Поскольку это было скорее карикатурой, нежели его описанием, предполагали, что так было написано с целью упростить ему побег. Джон благополучно добрался до континента, по которому путешествовал три года, уделяя пристальное внимание денежным и банковским операциям стран, через которые проезжал. Несколько месяцев прожил в Амстердаме, понемногу спекулируя государственными ценными бумагами. Утренние часы посвящал изучению финансового дела и принципов торговли, вечерние – игорному дому. Принято считать, что он вернулся в Эдинбург в 1700 году. Точно известно, что в этом городе Ло опубликовал свои «Предложения и доводы относительно учреждения в Шотландии торгового совета». Эта брошюра не привлекла сколько-нибудь значительного внимания.

³ Мисс Элизабет Вильерс, впоследствии графиня Оркнейская. – *Прим. авт.*

⁴ Суд королевской скамьи (Court of the King's Bench) – английское судебное учреждение, сформировавшееся к началу XIII в. из личного Суда короля как один из высших (королевских) судов так называемого «общего права». Стал высшей апелляционной инстанцией для всех других судов, но со временем был специализирован на рассмотрении апелляций по уголовным делам. С 1971 г. рассматривает апелляции только по гражданским делам. – *Прим. пер.*

Некоторое время спустя он издал проект учреждения так называемого Земельного банка⁵, который выпускал бы в обращение банкноты, номинальная стоимость которых никогда не превышала бы стоимости всех государственных земельных владений или равнялась бы стоимости земли при праве вступления во владение в определенное время. Этот проект вызвал оживленные дискуссии в шотландском парламенте, и одна из нейтральных партий под названием «Эскадрон», сторонником которой являлся Ло, выдвинула предложение учредить такой банк. Парламент в конце концов вынес резолюцию, согласно которой учреждение любых вексельных кредитов для стимулирования деловой активности являлось неприемлемой тактикой для страны.

После провала данного законопроекта и неудачных попыток добиться помилования в деле об убийстве господина Уилсона Джо перебрался на континент и вернулся к привычному занятию – игре. За четырнадцать лет он побывал во Фландрии, Голландии, Германии, Венгрии, Италии и Франции, получил детальное представление о торговле и ресурсах каждой из этих стран и с каждым днем все больше утверждался во мнении, что ни одной из них не добиться процветания без бумажных денег. Все это время он, по-видимому, жил главным образом на деньги от успешной игры. Его знали во всех крупных игорных домах европейских столиц и считали одним из наиболее поднаторевших в хитросплетениях шансов на выигрыш людей своего времени. В книге «Biographie Universelle»⁶ сообщается, что он был изгнан в судебном порядке сначала из Венеции, а затем из Генуи, где считался слишком опасным для молодежи этих городов визитером. Во время пребывания в Париже впал в немилость у д'Аржансона, генерал-лейтенанта полиции⁷, приказавшего ему покинуть столицу. Однако это случилось уже после того, как Джо завязал салонное знакомство с герцогом Вандомским, принцем де Конти и бесшабашным герцогом Орлеанским. Последнему впоследствии было суждено в значительной мере повлиять на его судьбу. Герцогу Орлеанскому пришлось по душе живость и ум шотландского искателя приключений, который в свою очередь остался не менее доволен смекалкой и добродушием принца, пообещавшего стать его покровителем. Они часто проводили время в обществе друг друга, и Ло при любой возможности исподволь внушал свои финансовые доктрины герцогу, чья приближенность к престолу сулила ему в не столь отдаленном будущем важный пост в правительстве.

Незадолго до смерти Людовика XIV (по другим данным, в 1708 году) Ло предложил некий финансовый план генерал-контролеру⁸ Демаре, который в свою очередь показал его королю. Сообщается, что Людовик осведомился, является ли автор проекта католиком, и, получив отрицательный ответ, отказался иметь с ним дело⁹.

После этого отказа Ло посетил Италию. По-прежнему вынашивая финансовые планы, он предложил Виктору Амедею, герцогу Савойскому, учредить земельный банк в этой стране. Герцог ответил, что его владения слишком ограничены для реализации столь грандиозного проекта и что власть его слишком слаба и уязвима. Тем не менее он посоветовал

⁵ Тогдашние остряки называли его *песчаным банком*, который приведет государство к краху. – Прим. авт.

⁶ «Всеобщая биография» (фр.). – Прим. пер.

⁷ Генерал-лейтенант полиции – государственная должность во Франции эпохи абсолютизма, учрежденная в 1667 г. Отвечал за поддержание порядка в масштабах всего королевства и руководил как общегражданской, так и политической полицией, а также специализированными полицейскими подразделениями. – Прим. пер.

⁸ Генерал-контролер (министр) финансов – государственная должность во Франции эпохи абсолютизма, приобретшая огромное значение начиная с Кольбера (1665 г.), который, не ограничиваясь непосредственными функциями министра финансов (формированием государственного бюджета и руководством экономической политикой страны), контролировал работу государственного аппарата и организовывал законодательную деятельность. – Прим. пер.

⁹ Этот эпизод, изложенный в одном из писем мадам де Бавье, герцогини Орлеанской и матери регента, опровергается лордом Джоном Расселом в его «Истории ведущих государств Европы после Утрехтского мира», но опровергается бездоказательно. Не подлежит сомнению, что Ло предложил свой план Демаре и что Людовик отказался даже слышать об этом. Причина отказа вполне согласуется с характером этого нетерпимого и деспотичного монарха. – Прим. авт.

Ло еще раз попытать счастья во Франции, ибо был уверен, что если он хоть немного разбирается во французах, то им этот план, не столь новый, сколь внушающий доверие, придется по душе.

В 1715 году Людовик XIV умер, престол унаследовал семилетний ребенок, и герцог Орлеанский по праву регента взял бразды правления в свои руки до достижения наследником совершеннолетия. О лучшем Ло не мог и мечтать. Это было самое удачное время для удовлетворения его амбиций, которое, словно поток воды, должно было вынести его к богатству. Регент был его другом, уже знавшим его теорию и притязания и, более того, склонным помочь ему в любых начинаниях, способных восстановить престиж Франции, сведенный на нет долгим и сумасбродным правлением Людовика XIV.

Едва короля уложили в могилу, как ненависть к нему народа, сдерживаемая до этого десятилетиями, выплеснулась наружу. Людовика, чьи достоинства при жизни приукрашивались до степени, вряд ли имеющей прецедент в мировой истории, теперь проклинали как тирана, деспота и грабителя. Его статуи забрасывали грязью и уродовали, его портреты срывались со стен под проклятия простолюдинов, а имя стало синонимом себялюбия и угнетения. Славные деяния короля были забыты, и все помнили только его провалы, сумасбродство и жестокость.

Финансы страны находились в состоянии предельного хаоса. Монарх, чья расточительность и продажность передались почти всем чиновникам разных рангов, поставил Францию на грань катастрофы. Национальный долг составлял три миллиарда ливров, годовой доход – 145 миллионов, а затраты на содержание правительства – 142 миллиона в год; оставалось всего три миллиона на выплату процентов по национальному долгу. Первой заботой регента стал поиск средств борьбы со столь масштабным злом, и был срочно созван совет для обсуждения данной проблемы. Герцог де Сен-Симон считал, что спасти страну от революции могут только решительные и вместе с тем рискованные меры. Он посоветовал регенту создать Генеральные штаты¹⁰ и объявить страну банкротом. Герцог де Ноаль, приспособленец по натуре и придворный до мозга костей, питавший тотальное отвращение к любым лишениям и дискомфорту, для преодоления которых потребовалась бы определенная изобретательность, выступил против проекта Сен-Симона, используя все свое влияние. Он охарактеризовал проект как бесчестный и разорительный. Регент придерживался того же мнения, и этот отчаянный план был похоронен.

Принятые в конце концов меры, хоть и выглядели многообещающе, лишь углубили кризис. Первая и самая бесчестная из них не принесла выгоды государству. Было приказано чеканить новую монету, обесценившую национальную валюту на одну пятую. Те, кто принес тысячи золотых и серебряных монет на монетный двор, получили взамен некоторое количество монет той же номинальной стоимости, но в них было только четыре пятых золота или серебра от их массы. В результате казна пополнилась на семьдесят два миллиона ливров, а все коммерческие операции в стране пришли в хаос. Незначительное снижение налогов заглушило ропот недовольных, и за эту малую уступку большое зло было забыто.

Затем была учреждена Судебная камера, призванная расследовать случаи финансовых злоупотреблений среди податных чиновников и генеральных откупщиков¹¹. Сборщики нало-

¹⁰ Генеральные штаты – здесь: высшее сословно-представительское учреждение во Франции в 1302–1789 гг., состоявшее из депутатов от духовенства, дворянства и третьего сословия – купцов, ремесленников, крестьян, буржуазии и рабочих. Созывались королями главным образом для получения от них согласия на сбор налогов. – *Прим. пер.*

¹¹ Во Франции того периода действовала так называемая откупная система – передача государством на обусловленный срок права сбора налогов и других доходов частным лицам – откупщикам. Для получения откупа государству уплачивался взнос, называвшийся ценой откупа. Откупщики давали государству гарантию о внесении в казну определенной суммы доходов, а все средства, собранные сверх этого, шли в их пользу. Откупная система распространялась в основном на косвенные налоги: таможенный, соляной, винный и другие откупы. Существовало два вида откупа: генеральный и специальный. На генеральный откуп отдавался комплекс налогов, взимаемых генеральным откупщиком по всей стране либо

гов никогда не были особенно популярны ни в одной стране, но во Франции того периода они заслужили всю ту ненависть, что на них выплескивали. Как только их и сонмы подчиненных им агентов, так называемых *maltôtiers*¹², призвали к ответу за их преступления, страну охватила безудержная радость. Судебная камера, созданная главным образом для борьбы с казнокрадством, была наделена самыми широкими полномочиями. Она состояла из президентов и советников Парижского парламента¹³, судей и ревизоров налогового суда и чиновников счетной палаты. Общее руководство осуществлял министр финансов. Доносчикам обещали одну пятую часть штрафов и конфискованного имущества, тем самым побуждая их давать свидетельские показания против преступников. Десятая часть всего укрываемого имущества, принадлежащего виновным, была обещана тем, кто укажет их местонахождение.

Обнародование указа, узаконившего эти меры, вызвало оцепенение среди тех, кто формально подпадал под его юрисдикцию и мог понести наказание лишь по подозрению в расстрате. Но им никто не сочувствовал. Судебные процессы против них оправдывали их ужас. Вскоре Бастилия уже не могла вместить всех заключенных, и тюрьмы по всей стране были битком набиты осужденными и подозреваемыми. Было издано постановление, гласившее, что всем хозяевам постоянных дворов и почтмейстерам запрещается давать лошадей пытающимся спастись бегством; всем без исключения под угрозой крупных штрафов запрещалось укрывать их или помогать им бежать. Одних выставили к позорному столбу, других послали на каторгу, а наименее виновных оштрафовали и посадили в тюрьму. Только один человек – Самуэль Бернар, богатый банкир и генеральный откупщик одной отдаленной провинции, был приговорен к смерти. Нелегальные доходы этого человека, которого считали тираном и угнетателем своего округа, были столь огромны, что за организацию своего побега он предложил шесть миллионов ливров (250 тысяч фунтов стерлингов).

Его взятку не приняли, и он был казнен. Другим же, вероятно, даже более виновным, повезло больше. Конфискации укрываемых преступниками богатств часто приносили меньше денег, чем обычный штраф. Жесткость правительства пошла на убыль, и штрафы за налоговые злоупотребления взымались со всех осужденных без разбора; но все административные департаменты были настолько коррумпированы, что страна извлекла лишь малую выгоду из сумм, таким образом пополнивших казну. Львиная доля этих денег попала в руки придворных, их жен и фавориток. На одного податного чиновника наложили, пропорционально его состоянию и степени вины, штраф в двенадцать миллионов ливров. Один граф, не последний человек в правительстве, навестил его и пообещал освобождение от уплаты в обмен на сто тысяч крон. «Вы опоздали, друг мой, – ответил финансист. – Мы с вашей женой уже сошлись на пятидесяти тысячах»¹⁴.

по районам; специальный откуп охватывал отдельные налоги и сборы. – *Прим. пер.*

¹² От слова *maltôte*, незаконное обложение налогом. – *Прим. авт.*

¹³ Парижский парламент – созданный в 1260 г. специальный судебный орган, ставший высшим судом во Франции. Состоял из назначаемых королем духовников, рыцарей и легистов – выпускников юридических факультетов университетов, активно поддерживавших королевскую власть. В первой половине XIV в. приобрел право регистрации королевских ордонансов (указов) и других королевских документов, ставшей в 1350 г. обязательной. Низшие суды и парламенты других городов при вынесении решений могли пользоваться только зарегистрированными королевскими ордонансами. Если парижский парламент находил в регистрируемом акте неточности или отступления от «законов королевства», он мог заявить ремонстрацию (возражение) и отказать такому акту в регистрации. Ремонстрации преодолевались только путем личного присутствия короля на заседаниях парламента. В 1673 г. Людовик XIV объявил, что парламент больше не имеет права отказывать в регистрации королевских актов, а ремонстрация может быть заявлена лишь отдельно. Тем самым парламент был лишен своей важнейшей прерогативы – опротестовывать и отклонять королевское законодательство. В 1715 г. регент герцог Филипп Орлеанский вернул парламенту право ремонстраций и обязался учитывать его рекомендации и указания во всех государственных делах. – *Прим. пер.*

¹⁴ Этот эпизод описан месье де ла Од в труде «Жизнь Филиппа Орлеанского». Он заслуживал бы большего доверия, если бы автор назвал имена бесчестного чиновника и еще более бесчестного министра. Но книге месье де ла Од присущ тот же недостаток, что и большинству французских мемуаров того и последующих периодов. В большинстве из них автору достаточно, чтобы какой-либо эпизод был красочным, достоверность же для него вторична. – *Прим. авт.*

Таким путем было изъято около ста восьмидесяти миллионов ливров, из которых восемьдесят миллионов пошли на уплату долгов правительства, а остальное попало в карманы придворных. Мадам де Ментенон¹⁵ пишет об этом следующее: «Мы ежедневно узнаем о новых пожалованиях от регента. Народ ропщет из-за того, что деньгам, изъятым у казнокрадов, найдено такое применение». Народ, который после того, как улеглось первоначальное возмущение, в целом сочувствовал пострадавшим, был возмущен тем, что столь суровые меры привели к столь незначительным результатам. Люди находили несправедливым, что за счет поборов с одних мошенников жиреют другие. Несколько месяцев спустя, когда все наиболее виновные понесли наказание, Судебная камера стала выискивать жертвы среди людей более скромного общественного положения. Как результат щедрых посулов доносчикам против торговцев с незапятнанной репутацией выдвигались обвинения в мошенничестве и назначении грабительских цен. Их заставляли отчитываться об их деятельности перед трибуналом, дабы доказать свою невиновность. Отовсюду раздавались голоса недовольных, и в конце года правительство сочло за лучшее прекратить дальнейшие судебные разбирательства. Судебную камеру упразднили и объявили всеобщую амнистию тем, против кого еще не выдвинули обвинений.

Посреди этой финансовой неразберихи на сцене появился Ло. Никто лучше регента не осознавал всей плачевности положения, в котором оказалась страна, но и никто более него не страшился мужественно и энергично взяться за дело. Он не любил работать, подписывал официальные документы без надлежащего их изучения и доверял другим то, что должен был делать сам. Заботы, неотделимые от его высокого статуса, тяготили его. Он видел, что необходимо что-то предпринять, но ему не хватало для этого энергии и не доставало добродетели, чтобы пожертвовать ради дела праздностью и удовольствиями. И неудивительно, что он, имея такой характер, благосклонно внимал грандиозным и, казалось бы, легко выполнимым планам смышленного авантюриста, которого давно знал и чьи таланты ценил.

Когда Ло появился при дворе, его встретили самым радушным образом. Он представил на рассмотрение регента два ходатайства с описанием бед, обрушившихся на Францию из-за нехватки денег, неоднократно обесценивавшихся. Он утверждал, что монеты без поддержки бумажных денег никоим образом не удовлетворяют потребностям активной в коммерческом отношении страны, ссылаясь при этом, в частности, на Великобританию и Голландию, где бумажные деньги доказали свою состоятельность. Он привел массу весомых аргументов в пользу кредита и в качестве средства его возрождения во Франции предложил разрешить ему учредить в переживавшей упадок стране банк, который регулировал бы поступления в королевскую казну и выпускал бы банкноты, обеспеченные как казной, так и земельными угодьями. По замыслу Ло, банк должен был управляться от имени короля, но при этом контролироваться комиссией, назначаемой Генеральными штатами.

Пока эти ходатайства рассматривались, Ло перевел на французский язык свое сочинение о деньгах и торговле и использовал любые средства, чтобы прославиться на всю страну как финансист. Вскоре о нем заговорили. Наперсники регента восхваляли его повсюду, и все ожидали великих свершений от месье Лассе¹⁶.

5 мая 1716 года был издан королевский указ, в котором Ло вместе с его братом разрешилось учредить банк под вывеской «Ло и Компания», банкноты которого должны были приниматься при уплате налогов. Уставной капитал устанавливался в размере шести мил-

¹⁵ Франсуаза д'Обинье Ментенон (1635–1719) – маркиза и фаворитка (впоследствии морганатическая супруга) Людовика XIV. – *Прим. пер.*

¹⁶ Французы произносили его фамилию на свой манер, дабы избежать чуждого галлам звука «aw» [долгий звук «о» в английском языке. – *Прим. пер.*]. После провала его плана шутники говорили, что страна была *lasse de lui* [сыта им по горло (*фр.*)]. – *Прим. пер.*], и предлагали впредь называть его месье *Helas!* [*helas* – «увы!», «ах!», к сожалению!】 (*фр.*)]. – *Прим. пер.*]. – *Прим. авт.*

лионов ливров и был разделен на двенадцать тысяч акций по пятьсот ливров каждая, одна четверть которых могла быть куплена за металлические деньги, а остальные – за так называемые *billets d'état*¹⁷. Было решено не предоставлять ему все те привилегии, о которых он просил в ходатайствах, до тех пор, пока предприятие не докажет свою безопасность и выгоду на практике.

Ло находился на прямом пути к богатству. Его тридцатилетняя карьера увенчалась тем, что он стал руководителем собственного банка. Его банкноты при предъявлении подлежали оплате той монетой, которая имела хождение на момент их запуска в обращение. Последнее было умным политическим ходом и сразу же сделало его банкноты более ценными, чем монеты из драгоценных металлов. Последние постоянно обесценивались неразумными действиями правительства. Тысяча серебряных ливров могла в один день иметь одну номинальную стоимость, а на следующий день обесцениться на одну шестую, но банкноты банка Ло сохраняли при этом свою первоначальную стоимость. В то же время Ло публично заявил, что банкир, печатающий недостаточно обеспеченные банкноты, заслуживает смерти. В результате его банкноты моментально выросли в цене и стали приниматься на 1 % дороже металлических денег. Это случилось незадолго до начала в стране торгового бума. Хиреющая коммерция начала поднимать голову, налоги платили более регулярно и с меньшим ропотом, и установилась та степень доверия к властям предрержавшим, которая при условии неизменности выбранного курса неизбежно сделала бы коммерческие операции более прибыльными. В течение года стоимость банкнот Ло выросла на 15 %, тогда как *billets d'état* – облигации, пущенные в обращение правительством как средство платежа по долгам расточительного Людовика XIV, обесценились до 78,5 % от номинала. Сравнение было настолько в пользу Ло, что он привлек к себе внимание всего королевства, и его репутация росла день за днем. Филиалы его банка были почти одновременно учреждены в Лионе, Ла-Рошели, Туре, Амьене и Орлеане.

Регент, видимо, был чрезвычайно удивлен успехом Ло и постепенно пришел к мысли, что бумажные деньги, способные до такой степени поддерживать металлические, могут полностью их заменить. Его последующие действия основывались на этом фундаментальном заблуждении. Между тем Ло затеял свой знаменитый проект, оставивший о нем память на поколения вперед. Он предложил регенту (который не отказывал ему ни в чем) основать компанию, которая имела бы исключительную привилегию на торговлю в провинции Луизиана, расположенной на западном берегу великой реки Миссисипи. Считалось, что эти земли богаты драгоценными металлами, а компания, поддерживаемая исключительными торговыми льготами, должна была стать единственным сборщиком налогов и чеканщиком монеты. В августе 1717 года компании был выдан регистрационный патент. Капитал поделили на двести тысяч акций по пятьсот ливров каждая, и все они могли быть оплачены в *billets d'état* по номинальной стоимости, несмотря на то, что на фондовом рынке они стоили не более ста шестидесяти ливров за штуку.

Нацию стала охватывать безумная спекуляция. Дела у банка Ло шли настолько хорошо, что любым обещаниям шотландца верили безоговорочно. Регент ежедневно наделял удачливого финансиста новыми привилегиями. Его банк получил монополию на продажу табака, исключительное право на аффинаж золота и серебра и в конце концов был преобразован в Королевский банк Франции. Среди этого опьянения от успехов и Ло, и регент забыли тот самый принцип, который ранее столь громко провозглашался первым из них: банкир, печатающий банкноты, не обеспеченные необходимыми фондами, достоин смерти. Как только банк из частного учреждения превратился в государственное, регент довел выпуск банкнот до объема один миллиард ливров. Это был первый случай отхода от основополагающих

¹⁷ Государственные билеты (фр.) – французские государственные облигации. – Прим. пер.

принципов, в котором несправедливо обвиняют Ло. Когда он управлял делами банка, выпуск банкнот никогда не превышал шестидесяти миллионов ливров. Не известно, выступал ли Ло против этого чрезмерного прироста, но в силу того, что последний имел место после преобразования банка в королевское учреждение, справедливее возложить вину за измену принципам на регента.

Ло понимал, что живет при деспотичном правительстве, но все еще не осознавал всей пагубности влияния, которое такое правительство может оказать на столь тонкий процесс, как кредитование. Позднее он узнал это на собственном опыте, но тогда страдал оттого, что регент втягивал его в дела, он сам не одобрял. Со слабостью, достойной наивысшего порицания, он способствовал наводнению страны бумажными деньгами, которые, не имея под собой прочного основания, рано или поздно должны были обесцениться. Тогдашнее исключительное везение ослепило его настолько, что он не почувствовал грядущей опасности при появлении ее признаков. Многих раздражало влияние иностранца, и в первую очередь членов парламента, которые к тому же испытывали серьезные сомнения в безопасности его проектов. По мере того как росло его влияние, увеличивалась их враждебность. Канцлер¹⁸ д'Агессо был бесцеремонно уволен регентом за свое противодействие чрезмерному приросту бумажных денег и постоянному обесцениванию золотых и серебряных монет королевства. Это лишь усилило враждебность парламентариев, а когда на вакантную должность был назначен д'Аржансон человек, преданный интересам регента, получивший, помимо того, пост министра финансов, это привело их в ярость. Первая же принятая новым министром мера вызвала дальнейшее обесценивание монеты. Для погашения *billets d'état* было объявлено, что те, кто принесет на монетный двор четыре тысячи серебряных ливров и одну тысячу ливров в *billets d'état*, получают обратно монеты с меньшим содержанием серебра на общую сумму в пять тысяч ливров. Д'Аржансон был страшно доволен собой, превратив четыре тысячи старых ливров большего достоинства в пять тысяч новых, меньшего достоинства. Не имея должного представления о принципах торговли и кредитования, он не отдавал себе отчета в том, какой огромный ущерб он наносит и тому и другому.

Парламентарии сразу же поняли неразумность и опасность такой политики и неоднократно заявляли ремонстрации регенту. Последний отказывался принимать их петиции к рассмотрению, и парламент, смело и очень необычно для себя превысив власть, постановил не принимать к оплате никаких денег, кроме старых. Регент созвал *lit de justice*¹⁹ и аннулировал декрет. Парламент воспротивился и издал еще один. Регент вновь воспользовался своей привилегией и аннулировал его, а парламент, став еще более оппозиционным, утвердил новый декрет, датированный 12 августа 1718 года, который запрещал банку Ло каким-либо образом, напрямую или косвенно, участвовать в управлении государственными доходами, а всем иностранцам под угрозой суровых наказаний вмешиваться от своего или чужого имени в руководство государственными финансами. Парламент считал Ло виновником всех зол, и некоторые советники в порыве злобы предлагали привлечь его к суду и в случае признания вины повесить у ворот Дворца правосудия.

Не на шутку встревоженный Ло поспешил в Пале-Рояль²⁰ и бросился искать защиты у регента, умоляя того принудить парламент к повиновению. Регент тоже хотел этого всей

¹⁸ Канцлер – здесь: должность в центральном административном аппарате короля Франции, глава королевской канцелярии. Первоначально основные функции канцлера ограничивались редактированием королевских актов, представлением их на подпись королю и последующим скреплением печатью. Позднее канцлер стал ближайшим помощником короля и помимо выполнения вышеперечисленных обязанностей составлял королевские акты, назначал на судебные должности и председательствовал в высших совещательных органах в отсутствие короля. – Прим. пер.

¹⁹ Заседание парламента с участием короля (фр.). – Прим. пер.

²⁰ Здание в Париже, бывший Дворец кардинала. В описываемый период – резиденция Филиппа Орлеанского. – Прим. пер.

душой, как в свете вышеописанных событий, так и из-за диспутов вокруг легитимации герцога Менского и графа Тулузского, сыновей последнего короля. В конечном итоге парламент был усмирен путем ареста его президента и двух советников, которых отправили в отдаленные тюрьмы.

Так была развеяна первая туча, нависшая над планами Ло, и он, свободный от мрачных предчувствий, сосредоточился на своем знаменитом Миссисипском проекте, акции которого стремительно поднимались в цене, несмотря на деятельность парламента. В начале 1719 года был издан указ, даровавший Миссисипской компании исключительную привилегию торговли с Ост-Индией, Китаем и странами южных морей, а также со всеми владениями французской Ост-Индской компании, основанной Кольбером. Вследствие этого серьезного прорыва в деятельности компании она присвоила себе более подобающее своему статусу название – Компания двух Индий и выпустила пятьдесят тысяч новых акций. Планы, вынашиваемые Ло в то время, были самыми грандиозными. Он обещал годовой дивиденд в двести ливров за каждую акцию стоимостью пятьсот ливров, который, поскольку акции оплачивались в *billets d'état* по номинальной стоимости, но стоили менее 100 ливров, составлял около 120 %.

Долго накапливавшийся общественный энтузиазм не смог противостоять столь блестящей перспективе. На покупку пятидесяти тысяч новых акций было подано по меньшей мере триста тысяч заявлений, и дом Ло на улице Кенкампуа с утра до ночи осаждали страждущие просители. Так как было невозможно угодить всем, прошло несколько недель, прежде чем был составлен список новых удачливых держателей капитала; за это время царивший в обществе ажиотаж превратился в безумие. Герцоги, маркизы, графы и их герцогини, маркизы и графини каждый день часами ждали результатов у дома господина Ло. Наконец, дабы избежать толкотни среди толпы простолудинов, тысячами заполонивших все близлежащие улицы, они сняли меблированные комнаты в прилегающих домах и теперь могли постоянно находиться рядом с заветным домом, откуда новый Плутос²¹ разбрасывал сокровища. Стоимость акций первого выпуска ежедневно росла, а новые заявки на покупку акций – результат золотых грез целой нации – стали столь многочисленными, что было сочтено целесообразным выпустить не менее трехсот тысяч новых акций по пять тысяч ливров каждая, чтобы регент на волне энтузиазма своих подданных смог выплатить национальный долг. Для этой цели требовалось полтора миллиарда ливров. Рвение нации было настолько велико, что означенная сумма могла бы быть собрана трижды, если бы правительство санкционировало это.

Ло находился в зените процветания, а страна приближалась к зениту своего слепого увлечения. Высшие и низшие классы были в равной степени преисполнены желанием несметного богатства. Среди тогдашней аристократии не было ни одной мало-мальски заметной персоны, за исключением герцога Сен-Симона и маршала Виллара, не вовлеченной в куплю-продажу акций. Люди всех возрастов, всякого звания и обоего пола играли на повышение и понижение миссисипских ценных бумаг. Излюбленным местом брокеров была рю де Кенкампуа – узкая, неудобная улочка, на которой постоянно происходили несчастные случаи из-за огромного скопления народа. Аренда домов на этой улице в обычные времена стоила тысячу ливров в год, теперь же – от двенадцати до шестнадцати тысяч. Сапожник, имевший на этой улице прилавок, зарабатывал около двухсот ливров в день, сдавая его напрокат и снабжая брокеров и их клиентов письменными принадлежностями. Предание гласит, что один стоявший на этой улице горбун зарабатывал изрядные суммы, сдавая в аренду энергичным спекулянтам свой горб в качестве письменного стола! Большое скопление людей, собиравшихся, чтобы заниматься коммерцией, привлекало еще большую толпу

²¹ Бог богатства в греческой мифологии. – Прим. пер.

зевак. Сюда стягивались все воры и аморальные элементы Парижа, здесь постоянно нарушался общественный порядок. С наступлением сумерек часто приходилось высылать отряд солдат для очистки улицы.

Ло, тяготившийся таким соседством, переехал на площадь Вандом, сопровождаемый толпой *agioteurs*²². Эта просторная площадь вскоре стала столь же многолюдной, что и улица Кенкампуа: с утра до ночи на ней шли торги. Там сооружались палатки и тенты для заключения сделок и продажи напитков и закусок; в самом центре площади устанавливались столы для игры в рулетку, где с толпы собирали золотой, или, скорее, бумажный урожай. Бульвары и скверы были забыты; влюбленные парочки прогуливались преимущественно по площади Вандом, ставшей модным местом отдыха праздного люда и встреч деловых людей. Здесь целыми днями стоял такой несусветный гам, что канцлер, чье ведомство находилось на этой площади, пожаловался регенту и муниципалитету на то, что он не слышит адвокатов. Ло, когда к нему обратились по этому поводу, выразил готовность помочь устранить неудобство, для чего заключил с принцем де Кариньяном договор касательно гостиницы «Отель-де-Суассон», имевшей с задней стороны парк площадью несколько акров. Сделка состоялась, и Ло приобрел отель за огромную цену, а принц сохранил за собой великолепный парк как новый источник дохода. В нем находились прекрасные статуи и несколько фонтанов, и в целом он был спланирован с большим вкусом. Как только Ло обустроился в своей новой резиденции, был издан указ, запрещающий всем без исключения лицам покупать или продавать акции где бы то ни было, кроме парка «Отель-де-Суассон». В центре парка среди деревьев соорудили около пятисот небольших тентов и павильонов для удобства брокеров. Их разноцветье, развевающиеся на них веселые ленты и флаги, оживленные толпы, непрерывно снующие туда-сюда, несмолкаемый гул голосов, шум, музыка, странная смесь деловитости и удовольствия на лицах людей – все вместе это создавало некую волшебную атмосферу, приводившую парижан в полный восторг. Пока продолжалась эта мания, принц де Кариньян получал громадные прибыли. Каждый тент сдавался в аренду за 500 ливров в месяц, и, поскольку их было в парке не менее пяти сотен, месячный доход принца только из этого источника составлял, очевидно, как минимум 250 тысяч ливров (свыше 10 тысяч фунтов стерлингов).

Маршал Виллар, честный старый солдат, был настолько раздражен этим неистовством, охватившим его соотечественников, что никогда не высказывался по данному вопросу спокойно. Проезжая однажды через площадь Вандом в своей карете, этот холерический господин был так раздосадован людской суматохой, что внезапно приказал кучеру остановиться и, высунув голову из окна, добрые полчаса разглагольствовал об «отвратительной алчности» новоявленных коммерсантов. Это было не очень умно с его стороны. Отовсюду раздавались свист и громкий хохот, в адрес маршала летели бесчисленные остроты. Наконец, когда появились очевидные признаки того, что вот-вот в направлении его головы полетит нечто более весомое, маршал счел за благо поехать дальше. Он больше никогда не повторял этот эксперимент.

Двое рассудительных, спокойных и философски настроенных литераторов, месье де ла Мотт и аббат Терразон, поздравили друг друга с тем, что хотя бы они остались в стороне от странного слепого увлечения. Несколькими днями позже, когда достопочтенный аббат выходил из «Отель-де-Суассон», куда он приходил купить акции Миссисипской компании, он увидел не кого иного, как своего друга ла Мотта, входившего внутрь с той же целью. «Ба! – сказал, улыбаясь, аббат. – Это *вы?*» «Да, – сказал ла Мотт, протискиваясь мимо того так быстро, как только мог. – А неужели это *вы?*» При следующей встрече двое ученых мужей разговаривали о философии, о науке и о религии, но ни тот, ни другой долго не осме-

²² Биржевых игроков (*фр.*). – Прим. пер.

ливались произнести хоть слово о Миссисипской компании. Наконец, когда это произошло, они сошлись на том, что никто и никогда не должен от чего бы то ни было зарекаться и что нет такого безрассудства, от которого был бы застрахован даже умный человек.

Тем временем Ло, этот новый Плутос, вдруг стал самой важной особой в государстве. Придворные забыли о вестибюлях регента. Пэры, судьи и епископы устремились в «Отель-де-Суассон»; офицеров армии и флота, титулованных светских дам и всех, кто в силу унаследованного дворянского титула или высокого служебного положения мог претендовать на первенство, можно было встретить в его вестибюлях, где они ждали своей очереди, с тем чтобы подать прошение о получении доли акционерного капитала Индийской компании. Претендентов было столько, что Ло не мог принять даже десятую их часть, и для получения доступа к нему использовались любые уловки, какие могла подсказать человеческая изобретательность. Пэры, чье звание было бы оскорблено, заставь их регент ждать приема полчаса, были готовы шесть часов ожидать возможности встретиться с месье Ло. Претенденты платили его слугам гигантские суммы, дабы те просто объявляли их имена. С той же целью женщины-аристократки пользовались обольстительностью своих улыбок; но многие из них приходили день за днем в течение двух недель, прежде чем добивались аудиенции. Когда Ло принимал то или иное приглашение, его зачастую окружало такое количество женщин, каждая из которых просила внести ее имя в списки держателей акций нового выпуска, что ему, несмотря на его известную и привычную галантность, приходилось отражать их натиск *par force*²³. Люди прибегали к самым нелепым ухищрениям, дабы получить возможность поговорить с ним. Одна дама, тщетно прилагавшая к этому усилия в течение нескольких дней, в отчаянии отказалась от любых попыток встретиться с ним в его доме, но строго-настрого приказала своему кучеру смотреть в оба всякий раз, когда она едет в карете по улице, и, если он увидит идущего г-на Ло, налететь на столб и опрокинуть карету. Кучер обещал повиноваться, и дама непрерывно колесила по городу три дня, в душе моля Бога дать ей счастливый шанс опрокинуться. Наконец она заметила издали г-на Ло и, оттянув занавеску, закричала кучеру: «Опрокидывай сейчас же! Бога ради, опрокидывай!» Кучер налетел на столб, женщина завизжала, карета опрокинулась, и Ло, ставший свидетелем *несчастливого случая*, поспешил к месту происшествия для оказания помощи. Хитрая дама была препровождена в «Отель-де-Суассон», где она вскоре сочла благоразумным оправиться от испуга и, извинившись перед г-ном Ло, призналась в своей уловке. Ло улыбнулся и вписал ее в свой реестр как покупательницу некоторого количества акций Индийской компании. В другой раз некая мадам де Буша, узнав, что г-н Ло обедает в конкретном доме, приехала туда в своей карете и объявила пожарную тревогу. Вся компания, включая Ло, бросилась из-за стола, но последний, увидев, что какая-то женщина со всех ног вбежала в дом и устремляется прямо к нему, в то время как все остальные поспешно выбегают наружу, заподозрил обман и удалился в другом направлении.

В книгах приводится множество других анекдотичных эпизодов, от которых, даже если они и слегка приукрашены, все же не стоит открещиваться, ибо они передают атмосферу того необычайного времени²⁴. Однажды в присутствии д'Аржансона, аббата Дюбуа и некоторых других персон регент сказал, что очень хочет поручить какой-нибудь даме, титулом не ниже герцогини, прислуживать его дочери в Модене. «Но, – добавил он, – я не знаю наверняка, где такую найти». «Да нет же! – ответил ему кто-то с притворным удивлением. – Я могу сказать вам, где искать всех герцогинь Франции: вам просто нужно пойти к месье Ло, и вы увидите их всех в его вестибюле».

²³ Силой (*фр.*). – *Прим. пер.*

²⁴ Любопытный читатель может отыскать один такой эпизод о страстном желании французских дам удержать Ло в их компании, который заставит его краснеть или улыбаться в зависимости от того, насколько он стеснителен. Он изложен в «Записках мадам Шарлотты Элизабет де Бавье, герцогини Орлеанской», том II, с. 274. – *Прим. авт.*

Месье де Ширак, знаменитый врач, купил акции в неудачное время и очень хотел их продать. Курс акций между тем продолжал падать два или три дня, что его не на шутку встревожило. Врач напряженно думал над этой неурядицей, когда его внезапно вызвали к одной даме, почувствовавшей недомогание. Он приехал, его проводили наверх, и он пощупал у женщины пульс. «Он падает! Он падает! Господи милосердный, он непрерывно падает!» – произнес он с задумчивым видом, а женщина, услышав это, тревожно взглянула ему в глаза. «О, месье де Ширак, – сказала она, вставая с постели и вызывая колокольчиком прислугу, – я умираю! Я умираю! Он падает! Он падает! Он падает!» «Что падает?!» – спросил изумленный доктор. «Мой пульс! Мой пульс! – сказала женщина. – Должно быть, я умираю». «Не бойтесь, дорогая мадам, – сказал месье де Ширак. – Я говорил о курсе акций. Дело в том, что мне ужасно не повезло, и я так расстроен, что едва ли понимал, что говорю».

Однажды цена акций поднялась на 10–20 % в течение нескольких часов, и многие люди скромного общественного положения, вставшие утром с постели бедняками, улеглись спать богачами. Один держатель большого пакета акций, заболев, послал слугу продать двести пятьдесят акций по восемь тысяч ливров каждую – по котировке на тот момент. Слуга ушел и по прибытии в «Жарден-де-Суассон» обнаружил, что за это время цена возросла до десяти тысяч ливров. Разницу в две тысячи ливров, помноженную на двадцать акций, то есть 500 тысяч ливров (20 тысяч фунтов стерлингов), он хладнокровно прикарманил и, вернув остаток хозяину, в тот же вечер уехал в другую страну. Кучер Ло за очень короткое время нажил сумму, достаточную для изготовления собственной кареты, и попросил разрешения оставить службу. Ло, ценивший этого человека, попросил его в качестве одолжения перед уходом подыскать себе замену, столь же хорошую, сколь и он сам. Кучер дал согласие, вечером привел двух своих бывших друзей и попросил г-на Ло выбрать одного из них; другого он собирался оставить для себя. Кухаркам-горничным и ливрейным лакеям время от времени улыбалась удача, и они, будучи вне себя от гордости за свое легко нажитое благосостояние, делали нелепейшие ошибки. Смешав язык и манеры своего прежнего сословия с пышным убранством нынешнего, они стали постоянными объектами жалости сочувствующих, презрения черствых и насмешек всех без исключения. Но глупость и низость знати были еще более отвратительны. Презренную алчность, заразившую целое общество, в полной мере демонстрирует один пример, приведенный герцогом де Сен-Симоном. Человек по имени Андре, бесхарактерный и необразованный, путем серии своевременных спекуляций с Миссисипскими ценными бумагами нажил громадное богатство за невероятно малый промежуток времени. Как пишет Сен-Симон, «он скопил золотые горы». Разбогатев, он устыдился низости своего происхождения и возжелал всех атрибутов дворянства. У него была дочь, ребенок трех лет от роду, и он предложил аристократическому, но обедневшему семейству д'Уаз заключить соглашение, согласно которому означенное дитя должно было в будущем при определенных условиях выйти замуж за одного из членов этой семьи. Маркиз д'Уаз, к своему стыду, дал на это согласие и пообещал жениться на ней сам по достижении ею двенадцатилетнего возраста, если ее отец выплатит ему сто тысяч крон и будет выплачивать по двадцать тысяч ливров ежегодно вплоть до бракосочетания. Самому маркизу шел тридцать третий год. Эта позорная сделка была должным образом подписана и скреплена печатью, и спекулянт дополнительно согласился оставить в день свадьбы за дочерью приданое в несколько миллионов ливров. Герцог Бранкаский, глава семейства, был не только в курсе соглашения, но и его полноправным участником. Сен-Симон, трактуя данный случай легкомысленно и считая его невинным курьезом, добавляет, что «люди не обошлись без порицаний сего прелестного брака», и далее сообщает, что «несколькими месяцами позже проект потерпел крах из-за ниспровержения Ло и разорения честолобивого месье Андре». Представляется, однако, что благородному семейству так и не достало честности вернуть 100 000 крон.

На фоне подобных событий (хоть и крайне унижительных, но большей частью смехотворных) имели место и более серьезные. Ежедневно происходили уличные грабежи как следствие того, что люди носили с собой огромные суммы наличных денег. Убийства из-за угла также были обычным делом. Один такой случай привлек особое внимание всей Франции не только из-за чудовищности преступления, но и в силу титулованности и высоких родственных связей преступника.

Граф д'Орн, младший брат принца д'Орна и родственник благородных семей д'Арамбер, Делинье и Демонморанси, был распушенным молодым человеком, в какой-то степени сумасбродным и беспринципным. Сговорившись с двумя другими, такими же безрассудными, как и он, молодыми людьми – Миллем, землевладельцем из Пьемонта, и неким Дестампом или Лестангом, фламандцем, – он разработал план ограбления одного очень богатого брокера, о котором, к несчастью для него, было известно, что он носит с собой крупные суммы. Граф сделал вид, что хочет купить у него некоторое количество акций Компании двух Индий, для чего назначил ему встречу в кабаре, или, иначе говоря, в низкопробном трактире, по соседству с Вандомской площадью. Ничего не подозревающий брокер вовремя явился в условленное место, где его поджидали граф д'Орн и двое его сообщников, которых он представил как своих близких друзей. После крайне непродолжительного разговора граф д'Орн внезапно набросился на свою жертву и трижды ударил беднягу кинжалом в грудь. Мужчина тяжело упал на пол, и, пока граф обшаривал его портфель, в котором находились ценные бумаги Миссисипской и Индийской компаний на сумму сто тысяч крон, Милль из Пьемонта снова и снова вонзал кинжал в несчастного брокера, чтобы убить его наверняка. Но брокер не сдался без борьбы, и на его крики о помощи сбегались работники и хозяин кабаре. Другой наемный убийца, Лестанг, которого перед этим оставили наблюдать за лестницей, выпрыгнул в окно и убежал, а Милля и графа д'Орна взяли с поличным.

Это злодеяние, совершенное среди бела дня и в таком людном месте, как кабаре, ужаснуло весь Париж. Суд над убийцами начался на следующий день, и улики были настолько явными, что обоих признали виновными и приговорили к колесованию. Знатные родственники графа д'Орна заполнили вестибюли регента, умоляя пощадить заблудшего юношу и утверждая, что он душевнобольной. Регент игнорировал их, пока мог, убежденный, что в случае столь зверского убийства правосудие должно идти своим чередом. Но назойливость этих влиятельных просителей нельзя было преодолеть просто отмалчиваясь, и они наконец предстали перед регентом и принялись умолять его спасти их род от позора публичной казни. Они намекали на то, что принцы д'Орны тесно связаны с известной орлеанской фамилией, и добавляли, что самого регента ждет бесчестье, если его кровный родственник умрет от руки рядового палача. Регент, к его чести, не внял их настойчивым просьбам и ответил на их последний аргумент словами Корнеля: «*Le crime fait la honte, et non pas l'échafaud*»²⁵ – добавив, что, какой бы позор ни навлекла казнь на его род, он с готовностью разделит его с другими родственниками. День за днем они возобновляли свои мольбы, но всегда с тем же результатом. Наконец им пришлось в голову, что если бы им удалось привлечь на свою сторону герцога Сен-Симона – человека, к которому регент питал искреннее уважение, то они, возможно, и добились бы своего. Герцог, аристократ до мозга костей, был так же, как и они, шокирован тем, что убийцу знатного рода ждет та же смерть, что и уголовника-плебея, и заявил регенту, что было бы неразумно наживать врагов в лице столь многочисленного, богатого и влиятельного семейства. Он напирал и на то, что в Германии, где семья д'Арамберов имеет большие владения, существует закон, согласно которому ни один родственник казненного на колесе не может претендовать по праву наследования ни на какое придворное звание или нанимать работников, пока не сменится целое поколе-

²⁵ «Не эшафот позорит, а преступление» (фр.). – Прим. пер.

ние. Поэтому он считал, что колесование осужденного можно заменить обезглавливанием, которое во всей Европе считалось гораздо менее позорным. Этот аргумент задел регента за живое, и он уже почти дал на это согласие, когда Ло, по-своему заинтересованный в судьбе убитого, подтвердил в подоспевшей резолюции свое желание оставить приговор в силе.

После этого родственники д'Орна дошли до крайности. Принц де Робек-Монморанси, отчаявшись добиться своего другими методами, нашел способ проникнуть в темницу, где содержался преступник, и, предложив ему чашу с ядом, заклинал спасти их от бесчестия. Граф д'Орн отвернулся и отказался принять ее. Монморанси повторил просьбу и, потеряв терпение после повторного отказа, развернулся и, воскликнув «Тогда умри, как хочешь, подлый негодяй! Ты недостойн иной участи, кроме смерти от руки палача!», оставил того наедине с судьбой.

Д'Орн сам подавал регенту прошение об обезглавливании, но Ло, имевший большее влияние на последнего, чем кто бы то ни было, за исключением пресловутого аббата Дюбуа²⁶, его учителя, настаивал на том, что он (регент) не должен уступать своекорыстной точке зрения д'Орнов. Регент изначально был того же мнения, и менее чем через неделю после совершения преступления д'Орн и Милль были колесованы на Гревской площади. Третьего убийцу, Лестанга, так и не поймали.

Это скорое и беспощадное правосудие очень обрадовало население Парижа. Даже месье де Кенкампуа, как здесь называли Ло, снискал расположение парижан как человек, заставивший регента не делать никаких поблажек аристократии. Но число грабежей и убийств не уменьшилось, а к ограбленным брокерам не испытывали никакой симпатии. Обычная расплывчатость общественной морали, достаточно очевидная в прежние времена, теперь еще более усилилась из-за ее быстрого распространения среди представителей среднего класса, который до сих пор оставался сравнительно незапятнанным между неприкрытой порочностью высших слоев и скрываемыми преступлениями плебса. Пагубная любовь к азартной игре пропитала общество и нейтрализовала все общественные и почти все личные добродетели, вставшие у нее на пути.

Какое-то время, пока существовало доверие, стимулировалась торговля, что не могло не пойти на пользу стране. Результаты этого были особенно ощутимы в Париже. В столицу отовсюду съезжались иностранцы, стремившиеся не только делать деньги, но и тратить их. Герцогиня Орлеанская, мать регента, пишет, что за это время население Парижа увеличилось на 305 тысяч душ за счет колоссального притока иностранцев со всего мира. Для размещения жильцов домоправительницам приходилось ставить кровати на чердаках, на кухнях и даже в конюшнях; город был настолько заполнен каретами и прочими всевозможными транспортными средствами, что на главных улицах им приходилось двигаться со скоростью пешехода во избежание несчастных случаев. Ткацкие фабрики страны работали с необычайной активностью, поставляя роскошные кружева, шелка, тонкое сукно с шелковистой отделкой и бархат, за которые покупатели расплачивались напечатанными в огромном количестве банкнотами по ценам, выросшим в четыре раза. Общая тенденция к подорожанию затронула и продовольствие. Хлеб, мясо и овощи продавались по ценам, большим чем когда-либо прежде; в той же пропорции выросли заработки. Ремесленник, прежде зарабатывавший пятнадцать су в день, теперь зарабатывал шестьдесят. Повсюду строились новые дома; страна светилась иллюзорным благоденствием, настолько ослепившим целую нацию, что никто не увидел темной тучи на горизонте, предвещавшей бурю, надвигающуюся слишком быстро.

Сам же Ло, волшебник, чья рука принесла столь удивительные перемены, естественно, разделял всеобщее процветание. Расположения его жены и дочери добивалось высшее дво-

²⁶ Аббат Дюбуа (позднее кардинал и первый министр) был известен своей алчностью и амурными похождениями. — Прим. пер.

рянство, с ними хотели породниться наследники герцогов и принцев. Он купил два роскошных поместья в разных частях Франции и начал переговоры с семьей герцога де Сюлли о покупке титула маркиза Роснийского. Его вероисповедание было препятствием для восхождения по социальной лестнице, и регент пообещал сделать его генерал-контролером финансов, если он публично примет католичество. Ло, не исповедовавший никакой иной религии, кроме заповедей профессионального игрока, охотно согласился и был подтвержден аббатом де Тенсеном в Меленском кафедральном соборе в присутствии огромной толпы наблюдателей²⁷. На следующий день его избрали почетным церковным старостой прихода Сен-Рош, по случаю чего он пожертвовал церкви пятьсот тысяч ливров. Его благотворительные деяния, всегда величественные, не всегда были столь показными. Он жертвовал огромные суммы частным образом, и ни одна история о реальной нужде не достигала его ушей напрасно.

В ту пору он был намного влиятельнее любого человека в государстве. Герцог Орлеанский настолько верил в его прозорливость и успех его планов, что консультировался с ним по любому текущему делу. Ло не проявлял никакой излишней помпезности в связи со своим тогдашним процветанием, а оставался таким же простодушным, приветливым и здравомыслящим человеком, каким был в не лучшие для него времена. Его галантность, всегда пленявшая ее прелестных объектов, была по своей природе столь любезной, столь приличествующей джентльмену и столь почтительной, что даже влюбленные в объекты его галантности мужчины на нее не обижались. Если же в каком-либо случае он и проявлял признаки надменности, то она относилась к раболепным дворянам, расточавшим ему ластивые похвалы, в которых чувствовалась фальшь. Он часто получал удовольствие, видя, как долго он может заставлять их ходить перед ним на задних лапках ради одной-единственной услуги. Со своими же соотечественниками, посетившими Париж с другой целью и попутно искавшими встречи с ним, он, напротив, был сама вежливость и внимание. Когда Арчибалд Кемпбелл, граф Айлей, впоследствии герцог Аргайл, приехал к нему на площадь Вандом, ему пришлось пройти через вестибюль, заполненный особами высочайшего ранга, которые жаждали встретиться с великим финансистом, дабы тот вписал их первыми в какой-нибудь новый подписной лист. А Ло между тем преспокойно сидел у себя в библиотеке и писал письмо о высаживании кочанной капусты садовнику отцовского поместья Лористон! Граф пробыл у него довольно долго, сыграл с соотечественником партию в пикет²⁸ и уехал, очарованный его непринужденностью, здравым смыслом и хорошими манерами.

Из дворян, наживших за счет тогдашнего людского доверия суммы, достаточные для поправки их пошатнувшихся финансовых дел, можно упомянуть герцогов де Бурбона, де Гиша, де ла Форса²⁹, де Шолне и д'Антина, маршала д'Эстрея, принцев де Рогана, де Пуа и де Лиона. Герцог де Бурбон, сын Людовика XIV от мадам де Монтеспан³⁰, был особенно удачлив в спекуляциях с Миссисипскими ценными бумагами. Он заново отстроил с небы-

²⁷ В связи с этим событием имела хождение следующая эпиграмма: *Foin de ton zèle séraphique, Malheureux Abbé de Tencin, Depuis que Law est Catholique, Tout le royaume est Capucin!* Она в какой-то степени вольно и парафрастично воспроизводится Жюстансоном в его переводе «Воспоминаний о Людовике XV»: *Tencin, a curse on thy zerapheric zeal, Which by persuasion hath contrived the means To make the Scotchman at our altars kneel, Since which we all are poor as Capucines!* («Тенсен, будь проклято твое ангельское рвение, которое, поддавшись на уговоры, ухитрилось найти способ заставить Шотландца преклонить колени у нашего алтаря, после чего мы все бедны, как капуцины!»). – *Прим. авт.*

²⁸ Карточная игра. – *Прим. пер.*

²⁹ Герцог де ла Форс нажил значительные суммы не только биржевой игрой, но и сделками с фарфором, специями и т. д. Долгое время в парижском парламенте обсуждался вопрос, не потерял ли он, как торговец пряностями, право на звание пэра. Вопрос был решен отрицательно. Появилась карикатура, на которой он, одетый как уличный носильщик, тащит на спине большой тюк с пряностями, на котором написано «*Admirez La Force*» («Восхищайтесь силой»). В карикатуре обыгрывается титул герцога, который переводится как «сила». – *Прим. пер.*

³⁰ Франсуаза Атенаиса де Монтеспан (1641–1707) – маркиза, фаворитка Людовика XIV. – *Прим. пер.*

валым великолепием королевскую резиденцию в Шантильи и, будучи страстным любителем лошадей, построил несколько конюшен, которые долго славились на всю Европу. Герцог импортировал сто пятьдесят самых лучших скакунов из Англии для улучшения породы во Франции. Он купил большой кусок земли в Пикардии и стал владельцем почти всех ценных земель между Уазой и Соммой.

Если уж сколачивались такие состояния, то неудивительно, что деятельная часть населения чуть ли не молилась на Ло. Ни одному монарху не льстили так, как ему. Все второстепенные поэты и *littérateurs*³¹ того времени пели ему дифирамбы. Согласно им, он был спасителем страны, ангелом-хранителем Франции; ум был в каждом его слове, великодушие – в каждом его взгляде и мудрость – в каждом его деянии. Толпа, следовавшая за его каретой, когда бы он ни выезжал из дому, была так велика, что регент выделил ему кавалерийский отряд в качестве постоянного эскорта для очистки улиц перед его проездом.

В то время отмечали, что в Париже никогда еще не было так много предметов искусства и роскоши. Статуи, картины и гобелены в огромных количествах импортировались из других стран и очень быстро реализовывались. Все те симпатичные безделушки – предметы мебели и украшения, в изготовлении которых французам нет равных и по сей день, больше не были игрушками одной лишь аристократии: их в изобилии можно было обнаружить в домах торговцев и большинства представителей среднего класса. В Париж, как на самый выгодный рынок, свозились самые дорогие ювелирные украшения; среди них был и знаменитый алмаз, который был куплен регентом, назван его именем и еще долго украшал корону французских королей. Он был приобретен за два миллиона ливров при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что регент был не таким безудержным стяжателем, как иные его подданные, по инерции скупавшие все подряд. Когда ему впервые предложили этот алмаз, он отказался его покупать (хотя желал иметь его больше всего на свете), сославшись на то, что его долг перед страной, которой он правит, не позволит ему истратить такую сумму народных денег на какой-то камень. Это веское и благородное оправдание вызвало панику у всех придворных дам, которые несколько дней кряду судачили о том, что будет жаль, если столь редкой драгоценности позволят покинуть пределы Франции только потому, что не нашлось человека достаточно богатого, чтобы его купить. Регента непрерывно умоляли сделать это, но все было напрасно, пока герцог де Сен-Симон, который при всех его положительных качествах и способностях был краснобаем, не взвалил тяжкое бремя уговоров на себя. После того как его умоляющие просьбы поддержал Ло, регент благосклонно дал согласие на покупку, позволив изобретательному Ло найти способ оплатить камень. Его владельцу была дана гарантия на выплату в течение оговоренного срока суммы в два миллиона ливров, 5 % от которой он получил сразу, и разрешено забрать все ценные осколки после огранки камня. Сен-Симон в своих «Воспоминаниях» с немалым удовольствием описывает свое участие в этой сделке. Он пишет, что камень был таким же большим, как ренклюд³², почти круглой формы, идеально прозрачным, не имел дефектов и весил более пятисот гран³³. Довольный собой, Сен-Симон подытоживает свой рассказ сообщением, что с его стороны «было весьма похвально убедить регента сделать столь знаменитую покупку». Другими словами, он гордился тем, что убедил регента пожертвовать своим долгом и купить себе безумно дорогую безделушку за народные деньги.

Это безмятежное процветание длилось до 1720 года. Предупреждения парламента о том, что запуск в обращение слишком большого количества бумажных денег рано или поздно приведет страну к банкротству, игнорировались. Регент, не имевший ни малей-

³¹ Литераторы (фр.). – Прим. пер.

³² Сорт слив. – Прим. пер.

³³ 32,4 г. – Прим. пер.

шего понятия о философии финансовых отношений, считал, что система, однажды принесшая хорошие результаты, не может развалиться. Если пятьсот бумажных миллионов обеспечили такую выгоду, рассуждал он, то еще пятьсот миллионов обеспечат еще большую выгоду. Это было величайшее заблуждение регента, которое Ло не пытался развеять. Небывалая жадность людей подпитывала эту иллюзию, и чем выше был курс Индийских и Миссисипских акций, тем больше печатали *billets de banque*³⁴ ему вдогонку. Возведенную таким образом пирамиду можно без натяжки сравнить с помпезным дворцом, построенным Потемкиным, этим русским князем-варваром, чтобы удивить императрицу и угодить ей. Огромные ледяные блоки громоздили один на другой; выполненные во всех деталях ледяные ионические колонны образовывали величественный портик; купол из того же материала сиял на солнце, которое могло лишь позолотить, но не растопить его своими лучами. Дворец блестел издали, словно сделанный из хрусталя и алмазов; но однажды подул теплый южный ветерок, и величавое строение растаяло. В конце концов никто не смог даже подобрать его фрагменты. То же самое произошло с Ло и его системой бумажных денег. Как только ее коснулось дуновение народного недоверия, она обратилась в руины, и никто не мог воздвигнуть ее вновь.

Первый легкий сигнал тревоги прозвучал в начале 1720 года. Принц де Конти, оскорбленный тем, что Ло отказался продать ему новые акции Индийской компании по их номинальной стоимости, послал слуг в банк с требованием обменять на металлические деньги такое огромное количество банкнот, что для их доставки потребовалось три телеги. Ло пожаловался регенту, обратив особое внимание последнего на зло, которое может произойти, если такой пример найдет множество подражателей. Регент, вполне отдавая себе в этом отчет, послал за принцем де Конти и велел ему под угрозой сильной немилости вернуть банку две трети монет, которые он оттуда вывез. Принц был вынужден подчиниться деспотичному приказу. К счастью для Ло, де Конти был непопулярной персоной: все осуждали его за подлость и алчность и соглашались, что он обошелся с Ло несправедливо. Странно, однако, что это, если можно так выразиться, бегство от банкнот не заставило ни Ло, ни регента прекратить их выпуск. Скоро нашлись такие, кто на почве недоверия повторил поступок де Конти, совершенный им из мстительности. Все больше сообразительных маклеров справедливо полагали, что рост курса акций и количества банкнот в обращении не может быть бесконечным. Бурдон и Ла Ришардьё, известные спекулянты, спокойно и постепенно конвертировали свои банкноты в металлические деньги и перевели их в банки других стран. Кроме того, они постоянно в больших количествах скупали столовое серебро и ювелирные изделия и тайно пересылали их в Англию и Голландию. Брокер Вермале, почуяв надвигающуюся бурю, скопил золотых и серебряных монет почти на миллион ливров, сложил их в крестьянскую телегу и накрыл сеном и коровьим навозом. Затем он переоделся в грязный крестьянский рабочий халат, или *blouse*, и благополучно вывез свой драгоценный груз в Бельгию, где вскоре нашел способ переправить его в Амстердам.

До той поры каждый мог без труда достать металлические деньги. Однако эта система не могла культивироваться долго, не провоцируя их дефицита. Отовсюду слышались голоса недовольных, и совет, созданный для анализа ситуации, вскоре выявил указанную причину недовольства. Советники долго обсуждали возможные пути исправления положения, и Ло, к которому обратились за советом, предложил издать указ о девальвации металлических денег на 5 % по сравнению с бумажными. Указ был издан, но вскоре заменен новым, согласно которому монеты обесценивались уже на 10 %. Вместе с тем были ограничены единовременные банковские выплаты монетами: до ста ливров золотом и до тысячи серебром. Все эти

³⁴ Банкнот (фр.). – Прим. пер.

меры были не в состоянии вернуть доверие к бумажным деньгам, несмотря на то, что ограничение наличных платежей до столь узких рамок поддерживало кредитоспособность банка.

Вопреки всем усилиям, благородные металлы продолжали переправляться в Англию и Голландию. Все оставшиеся в стране монеты берегли как зеницу ока или прятали, и в итоге их дефицит стал настолько ощутимым, что больше не могли осуществляться торговые операции. Тогда Ло отважился на дерзкий эксперимент – он решил вообще запретить хождение металлических денег. В феврале 1720 года был обнародован указ, который, вместо того чтобы в соответствии со своим предназначением восстановить кредитоспособность банкнот, нанес им смертельный удар и поставил страну на грань революции. Этим пресловутым указом любому человеку запрещалось иметь в своем распоряжении более пятисот ливров (20 фунтов стерлингов) в монетах под угрозой крупного штрафа и конфискации найденных сумм. Было также запрещено скупать ювелирные изделия, серебряную и золотую посуду, а также драгоценные камни; доносчиков поощряли искать нарушителей, обещая им половину суммы, обнаруженной при их содействии. Вся страна взывала в отчаянии от этой неслыханной тирании. Ежедневно имели место самые вопиющие гонения. Семейное уединение нарушалось вторжением доносчиков и провокаторов. Самых добродетельных и честных обвиняли в преступлении из-за имевшегося у них одного луидора. Слуги предавали хозяев, сосед шпионил за соседом, а аресты и конфискации стали столь частыми, что суды трещали по швам от непомерного количества заводимых дел. Стоило доносчику сообщить, что он подозревает кого-либо в укрывании денег в собственном доме, как тут же выписывался ордер на обыск. Лорд Стейр, тогдашний английский посол, пишет, что теперь уже невозможно было усомниться в искренности принятия Ло католичества, ибо тот учредил самую настоящую *инквизицию*, перед этим в высшей степени наглядно подтвердив свою веру в *пресуществление* путем превращения золота в бумагу.

На головы регента и незадачливого Ло сыпались все эпитеты, какие только могла придумать народная ненависть. Монеты на сумму более пятисот ливров были незаконным платежным средством, а банкноты не хотел принимать никто, если мог этого избежать. Никто не знал сегодня, сколько его банкноты будут стоить завтра. «Никогда прежде, – пишет Дюкло в «Тайных мемуарах о регентстве», – правительство не было более своенравным, и никогда прежде не было более неистовой тирании, осуществляемой руками менее твердыми. Те, кто был свидетелем ужасов того времени, сегодня вспоминают его как страшный сон и не могут понять, почему вдруг не разразилась революция и почему Ло и регент не умерли страшной смертью. Они оба испытывали ужас, но народ не зашел дальше жалоб; всеми овладели угрюмая и робкая безысходность и тупое оцепенение, а помыслы людей были слишком низменны, чтобы отважиться на дерзкое преступление во имя общества». Однажды, по-видимому, была сделана попытка организовать народное движение. Написанные от руки мятежные прокламации расклеивались по стенам и, вложенные в рекламные листки, рассылались по домам наиболее известных людей. Одна из них, приведенная в «*Mémoires Secrets de la Régence*», была следующего содержания: «Сударь и сударыня, сим уведомляем вас, что, если дела пойдут так и дальше, в субботу и воскресенье повторится день св. Варфоломея³⁵. Советуем не выходить из дому ни вам, ни вашей прислуге. Храни вас Господь от огня! Предупредите соседей. Написано в субботу, 25 мая 1720 года». Огромное число шпионов, наводнивших город, вызвало у людей взаимное недоверие, и после нескольких незначительных беспорядков, устроенных вечером группой неопознанных лиц, которых быстро разогнали, покою жителей столицы больше ничто не угрожало.

³⁵ Намек на Варфоломеевскую ночь – массовую резню гугенотов католиками в ночь на 24 августа 1572 г. (день св. Варфоломея) в Париже, организованную Екатериной Медичи и Гизами. – *Прим. пер.*

Курс Миссисипских, или, как их еще называли, Луизианских, акций очень резко упал, и на самом деле уже мало кто верил рассказам о несметных богатствах этого региона. Поэтому была предпринята последняя попытка вернуть доверие народа к Миссисипскому проекту. С этой целью в Париже постановлением правительства была объявлена всеобщая мобилизация бродяг. Как во время войны, было насильно завербовано свыше шести тысяч самых отвратительных отбросов общества, которым выдали одежду и инструменты, с тем чтобы отправить их на кораблях в Новый Орлеан для разработки якобы имеющихся там в большом количестве месторождений золота. День за днем их с кирками и лопатами проводили строем по улицам города, а затем небольшими партиями отправляли во внешние порты для отплытия в Америку. Две трети из них так никогда и не прибыли к месту назначения, а рассеялись по стране, продали свои инструменты за сколько смогли и вернулись к прежнему образу жизни. Менее чем через три недели половина из них снова оказалась в Париже. Тем не менее этот маневр вызвал незначительное повышение курса Миссисипских акций. Многие чересчур легковерные люди поверили, что их действительно ожидает новая Голконда³⁶ и во Францию вновь потекут золотые и серебряные самородки.

В условиях конституционной монархии можно было найти более надежные средства возвращения народного доверия. В Англии в несколько более поздний период, когда похожая мания привела к аналогичному бедствию, для искоренения зла применялись совсем другие меры; но во Франции, к несчастью, они принимались теми, кто это зло породил. Своеволие регента, пытавшегося вывести страну из кризиса, лишь еще больше затянуло ее в трясину. Было приказано осуществлять все платежи бумажными деньгами, и с 1 февраля до конца мая было напечатано банкнот на сумму свыше 1 500 000 000 ливров (60 000 000 фунтов стерлингов). Но сигнал тревоги уже прозвучал, и никакие ухищрения не могли заставить людей хоть в малейшей степени доверять бумажным деньгам, не подлежащим обмену на металлические. Месье Аламбер, президент Парижского парламента, сказал регенту прямо в лицо, что он скорее хотел бы иметь сто тысяч ливров в золоте или серебре, чем пять миллионов в его банкнотах. Поскольку подобные настроения царили повсеместно, запуск в обращение огромной бумажной денежной массы только увеличил существующее зло, сделав еще больше и без того гигантскую несоразмерность между металлическими и бумажными деньгами. Монеты, которые регент стремился обесценить, росли в цене при каждой новой попытке это сделать. В феврале было сочтено целесообразным включить Королевский банк в состав Компании двух Индий. Парламент издал и ратифицировал соответствующий указ. Государство по-прежнему выступало гарантом банкнот банка, которые больше нельзя было печатать без правительственного декрета. Все доходы банка с того момента, как он перестал быть собственностью Ло, став государственным учреждением, были переданы регентом Компании двух Индий. Эта мера возымела эффект кратковременного повышения курса Луизианских и других акций компании, но не смогла восстановить доверие народа в полной мере.

В начале мая состоялось заседание государственного совета, на котором присутствовали Ло, д'Аржансон (его коллега по управлению финансами) и все министры. Было подсчитано, что всего в обращении находится банкнот на сумму 2,6 миллиарда ливров, тогда как суммарное достоинство всех монет в стране не составляло и половины этой цифры. Для большинства членов совета было очевидно, что для выравнивания денежного обращения нужно принять какой-нибудь план. Одни предлагали девальвировать банкноты до номинальной стоимости металлических денег, другие – поднимать номинальную стоимость монет до тех пор, пока она не сравняется с номинальной стоимостью бумажных денег. Сообщается, что Ло выступил против обоих проектов, однако, поскольку других предложений

³⁶ Государство в Индии в XVI–XVII вв., славившееся добычей алмазов. – *Прим. пер.*

не последовало, было решено обесценить банкноты наполовину. 21 мая вышел соответствующий указ, согласно которому акции Компании двух Индий и банкноты банка подлежали постепенной девальвации до снижения их номинальной стоимости наполовину к концу года. Парламент отказался ратифицировать данный указ, шумно опротестовав его, и состояние страны стало настолько тревожным, что в качестве единственного способа сохранить спокойствие Совету регентства пришлось аннулировать собственное решение: менее чем через неделю был издан другой указ, возвращающий банкнотам их первоначальную номинальную стоимость.

В тот же день (27 мая) банк приостановил платежи в металлических деньгах. Ло и д'Аржансон были уволены из министерства. Слабовольный, нерешительный и трусливый регент возложил всю вину за сложившуюся плачевную ситуацию на Ло, которому по прибытии в Пале-Рояль было отказано в приеме. Однако с наступлением сумерек за ним послали и провели во дворец через потайную дверь³⁷; регент попытался его утешить и всячески извинялся за ту суровость, с которой был вынужден обращаться с ним на людях. Поведение регента было столь непоследовательным, что два дня спустя он прилюдно взял Ло с собой в оперу, где тот сидел в королевской ложе рядом с регентом, который на глазах у всех обращался с ним подчеркнуто предупредительно. Но ненависть к Ло была настолько сильна, что этот эксперимент едва не оказался для него фатальным. Вооруженная камнями толпа напала на его карету, когда он въезжал на территорию своей резиденции; и если бы кучер сразу же не проехал во внутренний двор, а прислуга немедленно не закрыла ворота, его, по всей вероятности, вытащили бы из кареты и разорвали на куски. На следующий день его жена и дочь были также атакованы толпой, когда возвращались в своей карете со скачек. Когда регенту сообщили об этих инцидентах, он отрядил к Ло мощный отряд швейцарских гвардейцев, которые денно и ночно несли караул во дворе его резиденции. Но в конце концов массовое негодование усилилось настолько, что Ло, посчитав свой дом, даже столь хорошо охраняемый, небезопасным, нашел убежище в Пале-Рояль – резиденции регента.

Бывшего канцлера д'Агессо, уволенного в 1718 году за противодействие проектам Ло, теперь призвали обратно, дабы он помог восстановить утраченную репутацию оных. Регент слишком поздно осознал, что он непростительно грубо и недоверчиво обошелся с одним из способнейших и, вероятно, единственным честным государственным деятелем того продажного времени. После позорной отставки тот удалился в свое поместье во Френэ, где среди непростых, но милых его сердцу философских изысканий позабыл об интригах презренного двора. Сам Ло и шевалье де Конфлан, придворный регента, были отправлены в дилижансе с приказом доставить экс-канцлера в Париж. Д'Агессо согласился оказать посильное содействие вопреки советам друзей, полагавших, что ему не следует принимать никакие призывы вернуться в учреждение, посланником которого является Ло. По его прибытии в Париж было решено присвоить пятерым парламентским советникам звание интенданта финансов, а 1 июня вышло распоряжение об отмене закона, запрещавшего накапливать монеты на сумму более пятисот ливров. Всем разрешили иметь сколь угодно много металлических денег. Для того чтобы изъять из обращения старые банкноты, было напечатано двадцать пять миллионов ливров в новых, обеспеченных доходными статьями города Парижа. Старые банкноты принимали в среднем за 25 % от номинала³⁸. Изъятые банкноты были публично сожжены перед «Отель-де-Вилль»³⁹. Большинство новых банкнот были

³⁷ Дюкло «*Mémoires Secrets de la Régence*». – *Прим. авт.*

³⁸ Обмен производился в соответствии со строгой шкалой. Коэффициент обмена зависел от источника получения банкнот. Так, например, те, кто получил банкноты в качестве ежегодной ренты, обменивали их в соотношении 1:1, а те, кто не мог указать источник получения банкнот, теряли 95 % стоимости. – *Прим. пер.*

³⁹ Здание Парижского муниципалитета. – *Прим. пер.*

десятилиновыми, и 10 июня банк открылся вновь, имея в резерве серебряные монеты в количестве, достаточном для их обмена.

Эти меры существенно разрядили ситуацию. Все парижане устремились в банк, чтобы обратить свои оскудевшие сбережения в монету, и, поскольку серебра стало не хватать, им платили медью. Мало кто жаловался, что такая ноша слишком тяжела, и можно было постоянно наблюдать, как эти бедняги с трудом тащатся, потев, по улицам, нагруженные сверх меры монетами, обмененными на пятьдесят ливров. Толпы, окружавшие банк, были столь огромны, что чуть ли не каждый день кто-нибудь погибал в давке. 9 июля собралось столько народу и стоял такой гвалт, что гвардейцы, охранявшие вход в парк Мазарен, в какой-то момент закрыли ворота, отказавшись впустить кого-либо еще. Толпа пришла в ярость и стала забрасывать солдат камнями сквозь ограду. Солдаты, разъярившись, пригрозили открыть огонь. В этот момент в одного из них попал камень, и он, вскинув ружье, выстрелил в толпу. Один человек был убит на месте, еще один – тяжело ранен. В любую секунду мог начаться штурм банка; но ворота в парк Мазарен были открыты перед толпой, которая, увидев целый отряд солдат со штыками, примкнутыми к ружьям, довольствовалась тем, что выразила негодование стенаниями и свистом.

Восемь дней спустя народу собралось столько, что пятнадцать человек задавили у дверей банка. Люди были настолько возмущены, что положили три трупа на носилки и в количестве семи или восьми тысяч отправились в парк Пале-Рояль, дабы продемонстрировать регенту те несчастья, которые он и Ло навлекли на страну. Кучер Ло, сидевший на козлах кареты во внутреннем дворе дворца, проявил скорее рвение, нежели благоразумие: недовольный тем, что толпа оскорбляет его хозяина, он сказал достаточно громко для того, чтобы его нечаянно услышали несколько человек, что все они мерзавцы и заслуживают виселицы. Толпа немедленно напала на него и, думая, что Ло находится в карете, разломала ее на куски. Опрометчивый кучер еле унес ноги. Больше никаких бесчинств не было. Появились войска, и толпа мирно разошлась после заверений регента в том, что три тела, представленные на его обозрение, будут должным образом похоронены за его счет. Во время этой смуты проходило заседание парламента, и его президент вызвался пойти и посмотреть, в чем дело. Вернувшись, он сообщил заседающим, что карета Ло разломана толпой. Все одновременно вскочили и громко закричали от радости, а один советник, более пылкий в своей ненависти, чем остальные, воскликнул: «*А самого Ло разорвали на части?*»⁴⁰

Многое, несомненно, зависело от репутации Компании двух Индий, задолжавшей нации огромную сумму. В связи с этим на министерском совете была высказана мысль, что любые привилегии, даруемые компании, чтобы та смогла рассчитаться по своим обязательствам, должны быть максимально эффективными. В свете этого было предложено закрепить за ней исключительное право на всю морскую торговлю, и был издан соответствующий указ. Но при этом, к сожалению, забыли, что такая мера разорит всех купцов страны. Нация в целом отвергала идею столь огромной привилегии, и в парламент подавалась петиция за петицией с требованием не ратифицировать указ. Парламент так и сделал, и регент, заметив, что тем самым парламентарии лишь раздули пламя антиправительственной агитации, выслал их в Блуа. По ходатайству д'Агессо место ссылки было заменено на Понтуаз, куда парламентарии и направились, полные решимости бросить регенту вызов. Они приложили все усилия к тому, чтобы их временная ссылка была как можно более приятной. Президент давал самые изысканные ужины, на которые приглашал всех самых веселых и остроумных

⁴⁰ Герцогиня Орлеанская рассказывает эту историю по-другому, но, кто бы ни был прав, проявление подобных чувств в законодательном собрании нельзя считать особенно похвальным. Она пишет, что президент настолько не помнил себя от радости, что его посетил поэтический дар и он по возвращении в зал заседания воскликнул: «*Messieurs! Messieurs! bonne nouvelle! Le carrosse de Lass est reduit en cannelle!*» («Господа! Господа! Хорошая новость! Карету Ласса разбили вдребезги!» (фр.)). – Прим. пер.

людей Парижа. Каждый вечер давался концерт и бал для дам. Обычно степенные и чопорные судьи и советники предавались карточной игре и прочим развлечениям и несколько недель кутили напропалую с одной лишь целью – показать регенту, насколько несущественным они считают собственное изгнание, и дать понять, что они, если бы захотели, предпочли бы Понтуаз Парижу.

Из всех народов мира французы наиболее известны как выразители недовольства в песнях. Об этой стране с определенной долей истины говорят, что всю ее историю можно проследить по песням ее народа. Когда Ло, с треском провалив свои лучезарные планы, впал у людей в немилость, он, естественно, стал объектом сатиры, и пока во всех заведениях появлялись карикатуры на него, улицы оглашались песнями, не щадившими ни его, ни регента. Многие из этих песен были далеки от приличия, а одна из них, в частности, советовала использовать все его банкноты по тому самому неприглядному назначению, по которому можно использовать бумагу. Но нижеприведенная песня, дошедшая до нас в записках герцогини Орлеанской, была самой лучшей и самой популярной – ее месяцами распевали на всех *carrefours*⁴¹ Парижа. Достаточно удачно используется припев:

Aussitôt que Lass arriva
Dans notre bonne ville,
Monsieur le Régent publia
Que Lass serait utile
Pour rétablir la nation.
La faridondaine! la faridondon!
Mais il nous a tous enrichi,
Biribi!
A la façon de Barbari,
Mon ami

Ce parpaillot, pour attirer
Tout l'argent de la France,
Songea d'abord à s'assurer
De notre confiance.

Il fit son abjuration,
La faridondaine! la faridondon!
Mais le fourbe s'est converti,
Biribi!
A la façon de Barbari,
Mon ami!

Lass, le fils aîné de Satan
Nous met tous à l'aumône,
Il nous a pris tout notre argent
Et n'en rend à personne.
Mais le Régent, humain et bon,
La faridondaine! la faridondon!
Nous rendra ce qu'on nous a pris,
Biribi!

---

⁴¹ Перекрестках (фр.). – Прим. пер.

A la façon de Barbari,
Mon ami⁴².

Тогда же бытовала следующая эпиграмма:

Lundi, j'achetai des actions;
Mardi, je gagnai des millions;
Mercredi, j'arrangeai mon ménage;
Jeudi, je pris un équipage;
Vendredi, je m'en fus au bal,
Et Samedi, à l'hôpital⁴³.

Среди множества опубликованных в тот период карикатур, явно свидетельствующих о том, что нация осознала всю серьезность положения, в котором она оказалась по собственному недомыслию, была одна, факсимиле которой сохранилось в «Мемуарах о регентстве». Подпись автора под карикатурой гласит: «Богиня Акций в своей триумфальной колеснице, которой правит богиня Глупости. В колесницу впряжены воплощения Миссисипской компании (с деревянной ногой), Компании южных морей, Английского банка, Компании Западного Сенегала и различных страховых компаний. Чтобы колесница катилась достаточно быстро, агенты этих компаний, которых можно узнать по их длинным лисьим хвостам и коварным взглядам, вращают спицы колес, на которых написаны названия ценных бумаг и их стоимость, меняющаяся в зависимости от поворотов колес. По земле разбросаны товары, бухгалтерские журналы и торговые гроссбухи, раздавленные колесницей Глупости. На заднем плане – огромная толпа людей обоего пола, всех возрастов и общественных положений, шумно требующих Фортуны и дерущихся друг с другом за долю акций, которые она щедро им раздает. В облаках сидит демон, выдувающий мыльные пузыри, также являющиеся объектами восхищения и алчности людей, запрыгивающих друг другу на спины, чтобы дотянуться до них, пока они не лопнули. Справа на пути колесницы, загораживая проезд, стоит большое здание с тремя дверями, через одну из которых она должна проехать, если проследует дальше, а вместе с ней и вся толпа. Над первой дверью написано “*Hopital des Foux*”⁴⁴, над второй – “*Hopital des Malades*”⁴⁵, а над третьей – “*Hopital des Gueux*”⁴⁶. На другой карикатуре Ло сидит в большом котле, варящемся на огне народного безумия и окруженном бурлящей толпой людей, бросающих в него все свое золото и серебро и радостно получающих взамен бумажки, которые Ло раздает им пригоршнями.

Пока длилось это волнение, Ло тщательно позаботился о том, чтобы не появляться в городе без охраны. Сидя взаперти в апартаментах регента, он был защищен от любого нападения; когда же он отваживался их покинуть, он либо делал это инкогнито, либо выезжал в одной из королевских карет под усиленной охраной. Современники зафиксировали

⁴² В вольном переводе это звучит так: Тотчас, как приехал Ласс В городок наш добрый, Регент уверял всех нас, Что будет он полезен скоро И лучше станет жить народ, Вот так! Вот-вот! Станем мы все богаты. Азартный игрок! Мой друг, он к нам, как варвар, жесток! Этот безбожник, чтоб выманить Все Франции деньги, Думал сначала получить всеобщее доверье. Отречься от всего сумел он быстро, Вот так! Вот-вот! Но деньги мошенник пустить в оборот все же смог. Азартный игрок! Мой друг, он к нам, как варвар, жесток! Ласс, старший сын сатаны, Нас всех пустил по миру ты, Забрал все деньги, Ничего не отдал. Но есть добрый и честный регент, Вот так! Вот-вот! Возврати нам в срок все, что он взял! Азартный игрок! Мой друг, он к нам, как варвар, жесток! (Прим. пер.)

⁴³ В понедельник я акции купил, Во вторник миллион по ним получил, В среду дома в порядок привел антураж, В четверг заказал себе экипаж, В пятницу решил поехать на бал, Ну а в субботу в больницу попал. (Прим. пер.)

⁴⁴ Психиатрическая лечебница (фр.). – Прим. пер.

⁴⁵ Больница (фр.). – Прим. пер.

⁴⁶ Приют для бездомных (фр.). – Прим. пер.

забавный эпизод, характеризующий то омерзение, которое к нему питали люди, и то дурное обращение, которому он бы подвергся, попадись он им в руки. Некий господин Бурсель проезжал в своей карете по улице Сент-Антуан, и вдруг ему пришлось остановиться из-за загородившего дорогу наемного экипажа. Слуга месье Бурселя нетерпеливо окликнул кучера наемного экипажа, требуя освободить дорогу, и, получив отказ, нанес ему удар в лицо. Скоро на месте происшествия собралась толпа, и месье Бурсель вышел из кареты, чтобы восстановить порядок. Кучер наемного экипажа, вообразив, что у него появился еще один противник, придумал, как избавиться от обоих, и закричал что есть мочи: «Помогите! Помогите! Убивают! Убивают! Ло и его слуга собираются меня убить! Помогите! Помогите!» На этот крик из лавок повывегалялись люди, вооруженные палками и другими предметами, а толпа принялась собирать камни, дабы коллективно отомстить мнимому финансисту. К счастью для месье Бурселя и его слуги, дверь церкви иезуитов была открыта настежь, и они, испуганные не на шутку, помчались туда со всех ног. Преследуемые толпой, они добежали до алтаря, и им пришлось бы несладко, если бы они, увидев открытую дверь, ведущую в ризницу, не вбежали туда и не заперлись. После этого встревоженные и негодующие священники уговорили толпу покинуть церковь, и люди, обнаружив все еще стоявшую на улице карету месье Бурселя, выместили свою враждебность на ней, нанеся ей серьезные повреждения.

Двадцать пять миллионов ливров, обеспеченные муниципальными доходными статьями города Парижа со столь невыгодным коэффициентом обмена, были не слишком популярны среди держателей крупных пакетов Миссисипских акций. По этой причине конверсия новых банкнот была задачей большой сложности, и многие предпочитали держать обесценивавшиеся акции компании Ло в надежде на благоприятный поворот. 15 августа для ускорения конверсии был издан указ, гласивший, что все банкноты на сумму от одной до десяти тысяч ливров не должны находиться в обращении, за исключением случаев покупки ежегодной ренты, взносов на банковские счета или выплаты за пакеты акций, приобретенные в рассрочку.

В октябре вышел еще один указ, лишавший эти банкноты всякой цены после ноября месяца. Управление монетным двором, сбор налогов и все прочие преимущества и привилегии Индийской, или Миссисипской, компании были у нее отобраны, и она стала обычной частной компанией. Это был смертельный удар для целой системы, которая отныне находилась в руках ее врагов. Ло утратил все свое влияние в Совете Франции, а компания, лишенная льгот, не могла больше даже надеяться на то, что сумеет рассчитаться по своим обязательствам. Всех, кто подозревался в получении нелегальных доходов во время кульминации массового психоза, разыскали и наказали крупными штрафами. Перед этим было приказано составить список первоначальных собственников, которые как лица, еще располагающие акциями, должны были вернуть их компании, а те, кто по той или иной причине не успел оплатить акции, на которые подписался, должны были теперь выкупить их у компании по 13 500 ливров за каждую акцию стоимостью 500 ливров. Не дожидаясь, пока их заставят выплатить эту огромную сумму за фактически обесценившиеся акции, их держатели собрали свои пожитки и попытались найти убежище в других странах. Официальным лицам в портах и на границах немедленно приказали схватить всех путешественников, пытающихся покинуть королевство, и держать их под стражей, пока не будет удостоверено отсутствие у них золотой и серебряной посуды или ювелирных изделий либо доказана их непричастность к биржевой игре в известный период. Те немногие, кому удалось бежать, были приговорены к смертной казни, а против тех, кто остался, были начаты самые жестокие судебные преследования.

Сам Ло в момент отчаяния решил покинуть страну, где его жизни отныне угрожала опасность. Сначала он лишь настоятельно попросил разрешения уехать из Парижа в одно

из своих поместий, на что регент легко согласился. Последний был немало взволнован тем несчастливым оборотом, который приняли дела, но его вера в правильность и эффективность финансовой системы Ло осталась непоколебленной. Он видел только свои собственные ошибки и на протяжении немногих оставшихся ему лет жизни постоянно искал возможность вновь учредить эту систему на более безопасной основе. Сообщается, что Ло во время своей последней беседы с принцем сказал: «Я признаю, что совершил много ошибок. Я совершил их, потому что я человек, а людям свойственно ошибаться; но я заявляю вам со всей серьезностью, что ни одна из них не была продиктована безнравственными или бесчестными мотивами и что ничего подобного нельзя обнаружить ни в одном моем деянии».

Через два или три дня после его отъезда регент послал ему весьма любезное письмо, в котором разрешал покинуть королевство в любое удобное для него время и сообщал, что велел подготовить ему паспорта. Кроме того, он предлагал любую сумму денег, какую бы тот ни пожелал. Ло почтительно отказался от денег и отбыл в Брюссель в дилижансе, принадлежавшем мадам де При, фаворитке герцога Бурбонского, под охраной шести конных гвардейцев. Оттуда он проследовал в Венецию, где прожил несколько месяцев, являясь объектом величайшего любопытства горожан, считавших его владельцем несметного богатства. Однако ни одно мнение не могло быть более ошибочным. С благородством большим, чем можно было ожидать от человека, который большую часть жизни был отъявленным авантюристом, он отказался от собственного обогащения за счет разоренной нации. В разгар массовой неистовой охоты за Миссисипскими акциями он ни на секунду не сомневался в конечном успехе своих проектов, призванных превратить Францию в богатейшую и могущественнейшую страну Европы. Все свои доходы он вложил в покупку земельной собственности во Франции, что является надежным доказательством его веры в незыблемость собственных предприятий. Он не запасся столовым серебром или ювелирными изделиями и не перевел, в отличие от бесчестных маклеров, никаких денег за границу. Все его состояние, кроме одного алмаза стоимостью порядка пяти-шести тысяч фунтов стерлингов, было вложено во французские земельные угодья; и когда он покинул эту страну, то сделал это почти нищим. Один этот факт должен был спасти память о нем от обвинений в мошенничестве, столь часто и столь несправедливо выдвигаемых против него.

Как только стало известно об его отъезде, все его поместья и его ценная библиотека были конфискованы. Среди прочего он потерял право на ежегодную ренту на имя жены и детей в размере 200 тысяч ливров (8000 фунтов стерлингов), купленную им за пять миллионов ливров, несмотря на то, что соответствующий специальный указ, изданный в дни его процветания, гласил, что она не подлежит конфискации ни по какой причине. Люди были очень недовольны тем, что Ло позволили сбежать. Народ и парламент предпочли бы видеть его повешенным. Те немногие, кто не пострадал от коммерческой революции, радовались тому, что *шарлатан* покинул страну; но все те (а таких было большинство), чьи богатства были в эту революцию вовлечены, сожалели, что его личная причастность к постигшей страну беде и причинам оной не получила более приличествующего ей воздаяния.

На заседании Совета по делам финансов и Генерального совета регентства на стол легли документы, из которых явствовало, что всего в обращении находится банкнот на сумму два миллиона семьсот тысяч ливров. От регента потребовали объяснить, как могло появиться несоответствие между датами их выпусков и датами указов на эти выпуски. Он мог бы, ничем не рискуя, взять всю вину на себя, но предпочел разделить ее с отсутствующим лицом, для чего заявил, что Ло по собственной инициативе в разное время организовывал выпуск банкнот на сумму 1 200 000 ливров и что он (регент), понимая необратимость содеянного, прикрыл Ло, подписав задним числом указы совета, санкционировавшие этот прирост. Он выглядел бы более достойно, если бы сказал в своей речи всю правду и признал, что главным образом его собственные несдержанность и нетерпение заставили Ло пере-

ступить границы безопасной спекуляции. Было также установлено, что национальный долг на 1 января 1721 года составил свыше 3 100 000 000 ливров, или более 124 000 000 фунтов стерлингов, а проценты по нему – 3 196 000 фунтов стерлингов. Немедленно была назначена комиссия, так называемая *виза*, для проверки всех ценных бумаг государственных кредиторов, которых разделили на пять категорий: первые четыре охватывали тех, кто купил ценные бумаги на законном основании, а пятая – тех, кто не мог доказать, что заключенные ими сделки являются законными и добросовестными. Ценные бумаги последних было приказано уничтожить, а ценные бумаги первых четырех категорий подлежали самой строгой и ревностной инспекции. Результатом деятельности *визы* явился доклад, где рекомендовалось снизить проценты по этим ценным бумагам до пятидесяти шести миллионов ливров. Данная рекомендация аргументировалась описанием выявленных актов казнокрадства и вымогательства, и с целью ее выполнения парламенты королевства издали и должным образом ратифицировали соответствующий указ.

Ло в повозке, запряженной петухами

Позднее был учрежден еще один трибунал под названием *Chambre de l'Arsenal*⁴⁷, рассматривавший все случаи присвоения общественных или государственных сумм в финансовых департаментах правительства в недавний злополучный период. Член Камеры заявок⁴⁸ Талуэ вместе с аббатом Клеманом и двумя их подчиненными были уличены в растратах на общую сумму более чем миллион ливров. Первых двоих приговорили к отсечению головы, а остальных — к повешению, но впоследствии заменили всем казнь пожизненным

⁴⁷ Арсенальная камера, чрезвычайный суд в арсенале (фр.). — Прим. пер.

⁴⁸ Камера заявок — созданное по решению визы судебное ведомство, куда частные лица передавали акции и банкноты, по которым составлялись списки заявок (заявленных объявлений), представляя сведения об источниках денежных средств, на которые они были приобретены. Многие чиновники камеры, как выяснилось, утаивали акции и банкноты, которые продавали к собственной выгоде. — Прим. пер.

заклЮчением в Бастилии. Было вскрыто множество других случаев мошенничества; виновных приговорили к штрафам и тюремному заключению.

Д'Аржансон разделил с Ло и регентом непопулярность, постигшую всех вдохновителей «Миссисипского безумия». Он был смещен с поста канцлера (его место занял д'Агессо), но сохранил за собой титул хранителя печати, и ему было дозволено присутствовать на заседаниях советов, когда бы он того ни пожелал. Тем не менее он счел за лучшее уехать из Парижа и какое-то время пожить в одиночестве в своем имении. Но д'Аржансон не был создан для уединенной жизни; у него, все больше впадавшего в уныние и озлобленность, обострилась болезнь, от которой он уже долгое время страдал, и менее чем через год он умер. Парижане ненавидели его настолько, что свою ненависть донесли даже до его могилы. Когда похоронная процессия подошла к церкви Сен-Николя-дю-Шардонере, на кладбище которой были погребены члены его семьи, ей преградила путь негодующая толпа. Двое его сыновей, бывшие распорядителями на похоронах, были вынуждены во избежание расправы со всех ног спастись бегством через один из ближайших переулков.

Что же до Ло, то он какое-то время тешил себя надеждой, что Франция позовет его обратно, дабы он помог ей подвести под кредитование более прочную базу. Смерть регента в 1723 году, который скоропостижно скончался, сидя у камина и беседуя со своей фавориткой, герцогиней де Фалари, лишила его этой надежды, и ему пришлось вернуться к прежней жизни игрока. Ему не раз приходилось закладывать свой алмаз – единственный отголосок некогда огромного богатства, но успешная игра обычно позволяла ему выкупать камень. Спасаясь от преследования кредиторов в Риме, он переехал в Копенгаген, где получил разрешение английского министерства юстиции на проживание на родине; прощение за убийство господина Уилсона было даровано ему в 1719 году. Его привезли домой на адмиральском корабле – обстоятельство, давшее повод для непродолжительных дебатов в палате лордов. Граф Конингсби был недоволен тем, что с человеком, отрекшимся от своей страны и религии, обращаются столь почтительно, и выразил убежденность, что присутствие последнего в Англии в то время, когда люди настолько сбиты с толку бесчестными происками директоров Компании южных морей, связано с немалым риском. Он предложил выдворить Ло из страны, но событиям было предоставлено идти своим чередом: никто больше из членов палаты ни в малейшей степени не разделял страхов его светлости. Ло прожил в Англии четыре года, а затем перебрался в Венецию, где умер в 1729 году в крайней нужде. На это была сочинена следующая эпитафия:

Ci git cet Ecossais celebre,
Ce calculateur sans egal,
Qui, par les regles de l'algebre,
A mis la France a l'hospital⁴⁹.

Его брат, Уильям Ло, деливший с ним бразды правления как банком, так и Луизианской компанией, был заключен в Бастилию по обвинению в присвоении государственных денег, но ничего доказать так и не удалось. Через год и три месяца он был освобожден и положил начало роду, до сих пор известному во Франции под титулом маркизов де Лористон.

В следующей главе рассказывается о безумии, охватившем население Англии примерно в то же время и при весьма схожих обстоятельствах, но благодаря усилиям и здравому смыслу конституционной монархии, имевшем последствия гораздо менее катастрофические, нежели французский кризис.

⁴⁹ «Здесь погребен шотландец известный, По мастерству расчета беспрецедентный; При помощи алгебры он правил Францию в больницу всю отправил» (фр.). – Прим. пер.

«Мыльный пузырь» южных морей

*At length corruption, like a general flood,
Did deluge all; and avarice creeping on,
Spread, like a low-born mist, and hid the sun.
Statesmen and patriots plied alike the stocks,
Peeress and butler shared alike the box;
And judges jobbed, and bishops bit the town.
And mighty dukes packed cards for half-a-crown:
Britain was sunk in lucre's sordid charms.*

– *Pope*⁵⁰.

Компания южных морей была основана знаменитым Харли, графом Оксфордским, в 1711 году с целью возрождения национальной кредитной системы, пошатнувшейся в результате отставки кабинета министров партии вигов. Государству было необходимо срочно обеспечить погашение долговых обязательств армии и флоту и некоторых других статей текущей задолженности, составлявшей около десяти миллионов фунтов стерлингов. Одна купеческая компания, тогда еще не имевшая названия, взяла этот долг на себя, а правительство, в свою очередь, согласилось в течение определенного периода гарантировать ей вознаграждение в 6 % в год. Для обеспечения выплаты указанной суммы, составлявшей 600 000 фунтов, было решено использовать поступления от пошлин на вина, уксус, товары из Индии, обработанные шелка, табак, китовый ус и некоторые другие статьи. Компании была дарована монополия на торговлю в южных морях, и она, зарегистрированная парламентским постановлением, присвоила себе соответствующее название, под которым была известна в дальнейшем. Вышеупомянутый Харли своим участием в данной сделке завоевал себе солидную репутацию, и льстецы называли это предприятие «шедевром графа Оксфордского».

В тот период английское общество было одержимо самыми фантастическими идеями разработки огромных залежей драгоценных металлов на западном побережье Южной Америки. Все узнали о золотых и серебряных месторождениях Перу и Мексики; все поверили в их неисчерпаемость и в то, что стоит лишь отправить туда английских старателей, как это стократно окупится слитками чистого золота и серебра. Настойчиво муссируемое сообщение о том, что Испания намерена открыть для торговцев четыре порта на побережьях Чили и Перу, вызвало всеобщую эйфорию, и акции Компании южных морей высоко котировались много лет подряд.

Между тем Филипп V Испанский никогда не имел ни малейшего намерения разрешить англичанам свободно торговать в портах Латинской Америки. Переговоры об этом велись, но их единственным результатом стал договор *assiento* – привилегия на поставку в колонии негров-рабов в течение тридцати лет и на отправку один раз в год корабля, ограниченного и по тоннажу и по стоимости груза, для торговли с Мексикой, Перу или Чили. Да и то, означенное разрешение давалось при жестком условии, согласно которому король Испании получал четверть всех доходов и 5 % стоимости непроданного товара. Это яви-

---

⁵⁰ «В конце концов продажность, как наводнение, затопила все, и алчность расплзлась повсюду, растеклась, как отвратительный туман, и закрыла солнце. Государственные деятели и патриоты спекулировали на бирже, леди и дворецкий делили доходы, судьи барышничали, епископы воровали, могущественные герцоги собирали карты в колоду за полкроны. Британию захлестнула презренная жажда наживы» (Поп). – *Прим. пер.*

лось большим разочарованием для графа Оксфордского и его окружения, которым гораздо чаще, чем им того хотелось, напоминали, что «*Parturiunt montes, nascitur ridiculus mus*»⁵¹. Но доверие народа к Компании южных морей осталось непоколебленным. Граф Оксфорд заявил, что Испания позволит двум кораблям сверх одного ежегодного осуществлять торговлю в течение первого года, и был опубликован перечень всех портов и гаваней этих берегов, которые напыщенно объявлялись открытыми для торговли с Великобританией. Первое плавание ежегодного корабля состоялось только в 1717 году, а в следующем году торговля была прекращена из-за разрыва дипломатических отношений с Испанией.

Речь короля на открытии парламентской сессии 1717 года содержала недвусмысленную оценку состояния национальной кредитной системы и рекомендацию принятия должных мер для уменьшения национального долга. 20 мая следующего года две крупнейшие денежные корпорации – Компания южных морей и Английский банк – внесли свои предложения в парламент. Компания южных морей предлагала, чтобы ее акционерный капитал в десять миллионов был увеличен до двенадцати за счет подписки или иным образом, и соглашалась снизить свое вознаграждение за обслуживание государственных долгов с 6 до 50 % в год. Банк внес столь же выгодные предложения. Парламент какое-то время их обсуждал, и наконец было издано три постановления – Постановление о Компании южных морей, Постановление об Английском банке и Постановление о Генеральном фонде. Первым из них принимались предложения Компании южных морей и декларировалась ее готовность ссудить государству два миллиона фунтов для погашения основной суммы и процентов по долгам четырех лотерейных фондов девятого и десятого годов правления королевы Анны. Согласно второму постановлению Английский банк соглашался снизить процентную ставку на сумму 1 775 027 фунтов 15 шиллингов государственного долга банку и погасить государственные казначейские векселя в количестве, соответствующем двум миллионам фунтов, в обмен на ежегодную ренту в сто тысяч фунтов. От обеих финансовых корпораций также требовалась готовность при необходимости ссудить сумму, не превышающую 2 500 000 фунтов, под ставку 5 %, подлежащую оплате парламентом. В Постановлении о Генеральном фонде перечислялись различные дефициты, которые должны были быть ликвидированы путем использования средств, полученных из вышеупомянутых источников.

После этого Компания южных морей постоянно была у всех на слуху. Хотя ее торговля со странами Южной Америки почти или вовсе не принесла ей прибыли, она продолжала процветать как денежная корпорация. Ее акции пользовались хорошим спросом, а ее директора, подбодренные успехом, начали искать новые средства расширения ее влияния. Миссисипский план Джона Ло, столь ослепивший и увлекший французский народ, внушил им мысль, что они могут реализовать ту же самую схему в Англии. Ожидаемый провал его планов не заставил их отказаться от этого намерения. Умные в своих собственных глазах, они воображали, что им удастся избежать его ошибок, осуществлять свои замыслы сколь угодно долго и натянуть веревку кредитной системы до предельного напряжения, не разорвав ее на части.

В то время, когда план Ло находился на пике популярности, когда французы тысячами устремлялись на улицу Кенкампуа и разоряли сами себя с неистовым рвением, руководство Компании южных морей представило на рассмотрение парламента свой знаменитый план выплаты национального долга. Перед глазами народов двух самых могущественных стран Европы проплывали видения несметного богатства. Англичане впали в сумасбродный авантюризм несколько позже французов, но, как только их охватило исступление, они оказались в нем непревзойденными. 22 января 1720 года палата общин объявила себя парламентским комитетом, чтобы принять к рассмотрению ту часть выступления короля на открытии

⁵¹ «Рождают горы, а рождается смешная мышь» (лат.). – Прим. пер.

сессии, которая касалась государственных долгов, и предложение Компании южных морей по их погашению. В этом предложении подробно и в нескольких разделах перечислялись долги государства, составлявшие 30 981 712 фунтов, которые компания стремилась взять на себя за ежегодное вознаграждение в 5 %, гарантируемое ей до середины лета 1727 года, после чего все они подлежали погашению по желанию законодательной власти при снижении ставки до 4 %⁵². Предложение было принято с большим перевесом, но у Английского банка было много сторонников в палате общин, желавших, чтобы он получил свою долю доходов, которые, вероятно, должны были быть немалыми. От имени означенной корпорации было заявлено, что она оказала государству значительные и выдающиеся услуги в самые трудные времена и заслуживает по меньшей мере какой-то выгоды от подобной сделки на государственном уровне и что предпочтение должно быть отдано ей, а не компании, пока не сделавшей для страны ровным счетом ничего. В результате дальнейшее рассмотрение вопроса отложили на пять дней. Тем временем правление банка составило собственное предложение. Компания южных морей, опасаясь, что банк предложит правительству более выгодные условия, нежели она, пересмотрела свое предыдущее предложение и внесла в него поправки, которые, как она надеялась, делали его более привлекательным. Принципиальным новшеством было условие, что правительство сможет погасить свои долги по истечении четырех лет, а не семи, как предлагалось вначале. Банк решил остаться непревзойденным в этом своеобразном аукционе, и его правление также пересмотрело свое первоначальное предложение и подало новое.

Таким образом, от каждой корпорации было получено по два предложения, которые парламент начал обсуждать. Г-н Роберт Уолпол был главным оратором в пользу банка, а г-н Айлеби, канцлер казначейства⁵³, – главным защитником интересов Компании южных морей. 2 февраля было решено, что предложения последней являются наиболее выгодными для страны. Они, соответственно, были приняты, и было дано разрешение внести законопроект об их реализации.

Иксчендж-эли⁵⁴ пребывала в лихорадочном возбуждении. Акции компании, еще вчера стоившие сто тридцать фунтов, постепенно подорожали до трехсот, и этот процесс продолжался с удивительной быстротой все то время, пока шло поэтапное обсуждение законопроекта. Г-н Уолпол был едва ли не единственным государственным деятелем в палате общин, твердо выступавшим против его принятия. Он выразительно и пафосно предвосхищал пагубные последствия такого шага. Он сказал, что этот план поощряет «опасную практику биржевых спекуляций и отвлечет дух нации от торговли и промышленности. Он вызовет опасный соблазн завлечь и разорить легковверных, принеся их сбережения в жертву перспективе иллюзорного богатства. Основной принцип этого проекта – первостатейное зло; он призван искусственно повысить цену акций за счет возбуждения и поддержания массового слепого ажиотажа, а также за счет обещаний выплат дивидендов от фондов, недостаточных для этого в принципе». С воодушевлением пророка он добавил, что если этот план удастся, то директора компании станут в правительстве хозяевами, сформируют в королевстве новую и самовластную аристократию и возьмут под свой контроль решения законодательной власти. Если же он потерпит фиаско, в чем Уолпол был убежден, то страну ожидают массовые беспорядки и разорение. Люди будут настолько оболванены, что, когда настанут черные дни (а они обязательно настанут), они очнутся как ото сна и спросят себя, было ли все это на самом деле. Все его красноречие пропало даром. Его или считали лжепророком,

⁵² На сумму долга предполагалось выпустить акции. – *Прим. ред.*

⁵³ Министр финансов Великобритании. – *Прим. пер.*

⁵⁴ Иксчендж-эли (Exchange Alley) – название улицы, которое можно перевести как «аллея менял» или «аллея дисконта». – *Прим. пер.*

или сравнивали с хриплым вороном, накаркивающим беду. Однако его друзья сравнивали его с Кассандрой, предсказывающей несчастья, в которые поверят лишь тогда, когда они войдут в дома людей и взглянут им в лицо за их собственными столами. Несмотря на то что прежде палата с величайшим вниманием прислушивалась к каждому его слову, теперь скамьи пустели, когда выяснялось, что он собирается говорить о Компании южных морей.

Законопроект подготавливался палатой общин два месяца. За это время директора компании и их сторонники, особенно председатель правления, знаменитый сэр Джон Блант, приложили все усилия к тому, чтобы повысить цену акций. Ходили самые нелепые слухи. Говорили о соглашениях между Англией и Испанией, в соответствии с которыми последняя должна была дать согласие на свободную торговлю со всеми своими колониями, а ценное содержимое месторождения Потоси-ла-Пас⁵⁵ должно было поступать в Англию до тех пор, пока серебра в ней не стало бы почти так же много, как железа. За изделия из хлопка и шерсти, которые Англия могла в изобилии поставлять, жители Мексики должны были опорожнить свои месторождения золота. Компания купцов, торгующая со странами южных морей, стала бы богатейшей компанией за всю историю человечества, а каждые сто фунтов, вложенные в нее, приносили бы держателю ее акций несколько сотен ежегодно. Эти домыслы принесли свои плоды: в конце концов акции поднялись в цене почти до четырехсот фунтов, но после значительных колебаний курса остановились на отметке триста тридцать фунтов и оставались на ней, когда законопроект был принят палатой общин 172 голосами против 55.

Поэтапное рассмотрение законопроекта в палате лордов прошло с беспрецедентной быстротой: 4 апреля он прошел первое чтение, 5 апреля – второе, 6 апреля он был передан в комиссию, а 7 апреля – принят в третьем чтении и утвержден.

Некоторые пэры были решительно настроены против этого плана, но их предостережения пропустили мимо ушей. Азарт спекуляции обуял государственных мужей так же, как и простолюдинов. Лорд Норт-энд-Грей сказал, что данный законопроект несправедлив по своей природе и может иметь фатальные последствия, ибо направлен на обогащение немногих и обнищание многих. Герцог Уортонский разделял его позицию, но, так как он просто повторил аргументы, столь красноречиво высказанные Уолполом в нижней палате, его выслушали с куда меньшим вниманием, чем лорда Норт-энд-Грея. Граф Каупер был на их стороне и сравнил законопроект с пресловутым троянским конем, который также был внесен и встречен с большой помпой и радостью, но нес в себе вероломство и гибель. Граф Сандерлендский постарался ответить на все возражения; и после того, как вопрос был поставлен на голосование, только семнадцать пэров были против, а восемьдесят три – за принятие законопроекта. В тот же самый день, когда он был принят палатой лордов, он получил королевскую санкцию и стал законом страны.

В то время казалось, что целая нация превратилась в биржевых спекулянтов. Иксчендж-эли ежедневно наводняли толпы людей, а Корнхилл был непроезжим из-за большого числа карет. Все приходили покупать акции. «Каждый дурак стремился стать мошенником». Как гласила написанная в то время и распеваемая на улицах баллада⁵⁶,

Then stars and garters did appear
Among the meaner rabble;
To buy and sell, to see and hear
The Jews and Gentiles squabble.
The greatest ladies thither came,

⁵⁵ Оловорудное (с серебром) месторождение в Боливии. – *Прим. пер.*

⁵⁶ «Баллада о Компании южных морей, или Веселые заметки о дутых предприятиях на Иксчендж-эли». В сочетании с новой мелодией называется «Великий эликсир, или Философский камень найден». – *Прим. авт.*

And plied in chariots daily,
Or pawned their jewels for a sum
To venture in the Alley⁵⁷.

Необычайную жажду наживы, охватившую все общественные слои, не могла утолить одна лишь Компания южных морей. Появились и другие, самого экстравагантного типа. Поспешно заполнялись курсовые бюллетени, и шла крупномасштабная торговля акциями; при этом, разумеется, в ход шли любые средства искусственной накрутки их цены на рынке.

Вопреки всем ожиданиям, после получения законопроектом королевской санкции курс акций Компании южных морей снизился. 7 апреля акции котировались на уровне трехсот десяти фунтов, а на следующий день – двухсот девяноста фунтов. Руководство компании уже ощутило выгодность своего предприятия, и едва ли можно было ожидать, что оно просто так даст цене акций упасть до естественного уровня, не попытавшись ее поднять. Эмиссары компании немедленно взялись за дело. Все, кто был заинтересован в успехе проекта, старались собрать вокруг себя кучку слушателей, которым они сообщали о сокровищах южно-американских морей. Такие группы людей заполнили Иксчендж-эли. Один слух, пересказываемый с величайшим доверием, оказал немедленное воздействие на котировку акций. Говорили, что граф Стенхоп получил во Франции от испанского правительства предложение обменять Гибралтар и Порт-Магон на ряд территорий на побережье Перу под гарантию обеспечения и расширения торговли под эгидой Компании южных морей. Вместо одного ежегодного корабля, торгующего в этих портах, и отчисления королю Испании 25 % доходов от торговли компания-де получала право строить и фрахтовать столько судов, сколько пожелает, и не выплачивать никаких процентов никакому иностранному монарху. «Видения слитков танцевали у них перед глазами», и курс акций быстро повысился. 12 апреля, через пять дней после того, как законопроект получил силу закона, руководство компании объявило подписку на акции на сумму один миллион фунтов по номиналу при ставке дохода 300 фунтов на каждые вложенные 100 фунтов. Число людей всякого звания, желавших подписаться на акции, было столь велико, что первая подписка охватила акции на сумму свыше двух миллионов по номиналу. Доход подлежал пятикратной выплате частями, по 60 фунтов на каждую акцию номиналом 100 фунтов. Через несколько дней курс акций на вторичном рынке поднялся до трехсот сорока фунтов, и подписанная цена увеличилась вдвое по сравнению с первоначальной. Чтобы еще больше повысить курс, 21 апреля на общем совете директоров было объявлено, что дивиденд середины лета возрос на 10 % и распространяется на все подписанные акции. Эти резолюции сделали свое дело, и руководство компании, дабы еще больше разжечь страсти среди состоятельных граждан, объявило вторую подписку на акции на сумму в один миллион по номиналу при ставке дохода в четыреста фунтов. Неистовое желание представителей всех социальных слоев спекулировать этими акциями было настолько велико, что в течение нескольких часов было подписано акций как минимум на полтора миллиона под ту же ставку дохода.

Тем временем повсюду учреждались бесчисленные акционерные компании. Вскоре их прозвали «мыльными пузырями» – наиболее подходящим словосочетанием, какое смогло предложить воображение. Смекалка простого народа часто выражается в даваемых им прозвищах. В данном случае определение «мыльные пузыри» было максимально точным. Некоторые из них просуществовали неделю-другую, и больше о них никто не слышал; другие не смогли продержаться даже столько. Каждый вечер приносил новые планы, а каждое

⁵⁷ «Тогда обладатели звезд и подвязок смешались с презренной чернью, чтобы покупать и продавать, чтобы видеть и слышать ссоры евреев и язычников. Благороднейшие леди приезжали туда и проводили целые дни в экипажах или закладывали свои драгоценности, чтобы рискнуть на Аллее». – *Прим. пер.*

утро – новые проекты. Высочайшая аристократия стремилась к наживе с рвением самого трудолюбивого корнхиллского маклера. Владельцем одной такой компании стал принц Уэльский, который, как сообщается, в результате своих спекуляций получил 40 000 фунтов чистой прибыли⁵⁸. Герцог Бриджуотер основал предприятие по благоустройству Лондона и Вестминстера, а герцог Чендос – другое предприятие. Существовало около сотни различных проектов, один нелепее и обманчивее другого. Они, как написано в книге «Государство и политика», «организовывались и рекламировались хитрыми плутами, затем осаждались полчищами алчных глупцов и в конечном счете оказывались тем, на что указывало их простонародное название, – дутыми предприятиями и обычным надувательством». Было подсчитано, что в результате этих афер одни приобрели, а другие потеряли около полутора миллионов фунтов, что привело к обнищанию множества простофиль и обогащению множества жуликов.

Некоторые из этих предприятий были вполне благовидными и, будь они затеяны в период общественного спокойствия, могли бы пойти на пользу всем, имеющим к ним отношение. Однако они были учреждены с одной-единственной целью – спекулировать акциями на фондовом рынке. Учредители использовали первую же благоприятную возможность выгодной продажи акций, и на следующее утро предприятие переставало существовать. Мейтленд в «Истории Лондона» со всей серьезностью сообщает нам, что один из таких проектов, получивший большую поддержку, предусматривал основание компании «по изготовлению дильса⁵⁹ из опилок». Это, несомненно, шутка, но есть масса достоверных примеров того, как десятки предприятий, едва ли хоть на йоту более благоразумных, прожили свой недолгий век, разорив сотни людей, прежде чем рухнуть. Целью одного из них было создание вечного двигателя (капитал – миллион), другого – «поощрение разведения лошадей в Англии, благоустройство церковных земель, ремонт и перестройка домов приходских священников и викариев». То, что духовенство, заинтересованное главным образом в двух последних пунктах, проявило такой большой интерес к первому, может объясняться лишь предположением, что это предприятие было задумано группой пасторов, любивших охоту на лис – обычное развлечение в Англии того времени. На акции означенной компании шла активная подписка. Но наиболее противоречащим здравому смыслу было предприятие, полнее и нагляднее остальных продемонстрировавшее полное безумие людей, как один пошедших на поводу у неизвестного авантюриста, получившее название «Компания по получению стабильно высокой прибыли из источника, не подлежащего разглашению». Если бы этот факт не был подтвержден множеством заслуживающих доверия свидетелей, было бы невозможно поверить, что кого-либо можно одурачить подобным проектом. Гениальный аферист, предпринявший это дерзкое и успешное посягательство на людскую доверчивость, просто написал в своем проспекте, что необходимый капитал составляет полмиллиона фунтов в пяти тысячах акций по сто фунтов каждая, а задаток – 2 фунта за акцию. Каждый подписчик, внося задаток, якобы получал право на годовой дивиденд в 100 фунтов за акцию. Тогда этот человек не счел нужным сообщить потенциальным подписчикам, как именно будет получен сей несметный доход, но пообещал, что через месяц будет должным образом опубликован подробный отчет и будут затребованы остальные 98 фунтов за каждую подписанную акцию. На следующее утро, в девять часов, этот великий человек открыл контору в Корнхилле. Вход мигом осадила толпа, и когда он закрылся в три часа пополудни, то обнаружил, что подписано не менее тысячи акций, за которые внесены задатки. Таким образом, через шесть часов он стал счастливым обладателем 2000 фунтов. Он был в достаточной

⁵⁸ Кокс, «Уолпол», переписка между г-ном секретарем Крэгсом и графом Стенхопом. – *Прим. авт.*

⁵⁹ Дильс – еловые или сосновые доски определенного размера. – *Прим. пер.*

степени философом, чтобы удовлетвориться результатом своей авантюры, и в тот же вечер отбыл на континент. Больше о нем никто ничего не слышал.

Свифт удачно сравнил Чендж-эли⁶⁰ с водоворотом в «южных морях»:

Subscribers here by thousands float,
And jostle one another down,
Each paddling in his leaky boat,
And here they fish for gold and drown.
Now buried in the depths below,
Now mounted up to heaven again,
They reel and stagger to and fro,
At their wits' end, like drunken men.
Meantime, secure on Garraway cliffs,
A savage race, by shipwrecks fed,
Lie waiting for the foundered skiffs,
And strip the bodies of the dead⁶¹.

Еще одним чрезвычайно успешным мошенничеством были так называемые «Пропуска в “Глоб”». Они представляли собой не что иное, как квадратные кусочки игральных карт, на которых стояла восковая печать – эмблема закуской «Глоб Таверн», расположенной по соседству с Иксчендж-эли, с надписью «Пропуск на парусинную мануфактуру». Преимущество их обладателей заключалось лишь в том, что они имели право в будущем подписаться на акции новой парусинной мануфактуры – детища того, кто в ту пору был известен как богач, но впоследствии оказался вовлеченным в казнокрадство руководства Компании южных морей и понес наказание. Эти пропуска продавались на Аллее за целых шестьдесят гиней.

В эти дутые предприятия были глубоко вовлечена знать обоого пола: мужчины ходили встречаться со своими брокерами в закуские и кафе, а женщины с той же целью часто посещали ателье и галантерейные магазины. Это отнюдь не означает, что все эти люди верили в осуществимость предприятий, на акции которых они подписывались; им было достаточно, чтобы их акции благодаря искусной биржевой спекуляции вскоре поднялись в цене, дабы их можно было незамедлительно перепродать действительно легковверным. В толпе на Аллее царила такая неразбериха, что акции одного и того же «мыльного пузыря» в одно и то же время на одном конце Аллеи стоили на десять процентов дороже, чем на другом. Те, кто мыслил здраво, смотрели на необычайное слепое увлечение соотечественников с печалью и тревогой. И в парламенте, и вне его были те, кто отчетливо предвидел надвигающийся крах. Г-н Уолпол непрерывно выдавал свои мрачные прогнозы. Его страхи разделяло все здравомыслящее меньшинство, всеми силами пытавшееся убедить в своей точке зрения правительство. 11 июня, в день, когда закрылась сессия парламента, король выступил с декларацией, в которой объявил, что все эти противозаконные предприятия должны считаться нарушениями общественного порядка и, соответственно, преследоваться по закону, и под угрозой штрафа пятьсот фунтов запретил всем брокерам покупать и продавать их акции. Несмотря на это, жуликоватые спекулянты продолжали свою деятельность, а обманутые люди по-прежнему им потворствовали. 12 июля был издан приказ тайного совета лор-

⁶⁰ Сокращение от «Иксчендж-эли». – *Прим. пер.*

⁶¹ «Здесь тысячами плавают подписчики, расталкивая и топя друг друга; гребут в дырявых лодках, удят золотых рыбок и тонут. То идя ко дну, то возносясь к небесам на гребне волны, они качаются и шатаются туда-сюда, не понимая, что к чему, как пьяные. А тем временем, восседая на утесах Гаррауэя, дикое племя, утолившее жажду наживы обломками кораблекрушения, ждет, пока утонут новые лодки, и, дождавшись, грабит утопленников». – *Прим. пер.*

дов-судей, отклонявший все поданные прошения об исключительных правах и привилегиях и распускавший все дутые предприятия. Приведенная ниже копия приказа их светлостей, содержащая перечень всех этих бесчестных проектов, небезынтересна и в наши дни, когда в общественном сознании периодически усиливается опасная тенденция потворствования подобного рода деятельности:

«СОВЕЩАТЕЛЬНАЯ ПАЛАТА, УАЙТХОЛЛ, 12 ИЮЛЯ 1720 г.

Присутствуют: совет их превосходительств лордов-судей.

Совет их превосходительств лордов-судей принял во внимание многочисленные беспокойства общественного сознания, являющиеся результатом некоторых проектов, организованных для накопления акционерного капитала с различными целями, и то, что большое число подданных Его Величества вовлечено в них, чтобы расстаться со своими деньгами под предлогом заверений организаторов проектов в том, что их прошения об исключительных правах и привилегиях для осуществления их планов будут удовлетворены. Дабы предотвратить этот обман, их превосходительства сегодня приказали представить на их рассмотрение вышеупомянутые прошения наряду с отчетами по ним министерства торговли, генерального атторнея Его Величества и генерального солиситора⁶², полученными позднее, и после тщательного их обсуждения решили в соответствии с рекомендацией тайного совета Его Величества отклонить следующие вышеупомянутые прошения:

1. Прошение нескольких лиц о пожаловании прав на рыбную ловлю под названием Главная рыболовная компания Великобритании.

2. Прошение Королевской рыболовной компании Англии о пожаловании прав на такие дополнительные полномочия, которые эффективно способствовали бы ее деятельности.

3. Прошение Джорджа Джеймса от его собственного имени и от имени некоторых знатных персон, имеющих отношение к национальному рыболовству, о пожаловании прав на объединение в компанию для ведения означенного промысла.

4. Прошение нескольких купцов, торговцев и других лиц, подписавшихся под ним, об объединении в компанию для возобновления и ведения китобойного промысла у побережья Гренландии и в иных местах.

5. Прошение сэра Джона Ламберта и других лиц, подписавшихся под ним, от имени их самих и от имени большого числа купцов об объединении в компанию для ведения промысла у побережья Гренландии, особенно китобойного промысла в проливе Дейвиса.

6. Еще одно прошение о ведении промысла у побережья Гренландии.

7. Прошение нескольких купцов, дворян и горожан об объединении в компанию для покупки и строительства кораблей для сдачи внаем или фрахтования.

8. Прошение Сэмюэла Антрима и других лиц о пожаловании прав на сев конопли и льна.

9. Прошение нескольких купцов, капитанов торговых судов, мастеров по изготовлению парусов и изготовителей парусины о привилегии на объединение в компанию для создания и развития парусинной мануфактуры посредством акционерного капитала.

10. Прошение Томаса Бойда и нескольких сотен купцов, владельцев и капитанов торговых судов, мастеров по изготовлению парусов, ткачей и других ремесленников о приви-

---

⁶² Генеральный атторней – здесь: главный юрисконсульт правительства Великобритании, также осуществляющий прокурорский надзор и судебную защиту финансовых интересов короны. Генеральный солиситор (стряпчий) – заместитель генерального атторнея. – *Прим. пер.*

легии на объединение в компанию, позволяющей им занимать деньги для покупки земель с целью изготовления парусины и тонкого холста.

11. Прошение от имени нескольких лиц, заинтересованных в реализации привилегии, пожалованной ныне покойными королем Вильгельмом и королевой Марией, на изготовление льняного полотна и парусины, о том, чтобы право на изготовление парусины не предоставлялось кому бы то ни было еще, а имеющаяся привилегия была подтверждена и дополнена полномочиями на открытие хлопковой и хлопково-шелковой мануфактур.

12. Прошение нескольких горожан, купцов и торговцев из Лондона и ряда других лиц – подписчиков британских акций на всеобщее страхование от пожара в любой части Англии – об объединении в компанию для осуществления означенной деятельности.

13. Прошение нескольких верноподданных Его Величества из города Лондона и других районов Великобритании об объединении в компанию для осуществления всеобщего страхования от лишений в результате пожаров на территории английского королевства.

14. Прошение Томаса Бёрджеса и других подданных Его Величества, подписавшихся под ним, от имени их самих и других лиц, подписчиков на капитал в 1 200 000 фунтов для ведения торговли с доминионами Его Величества в Северном море, об объединении в компанию под названием Харбургская компания.

15. Прошение Эдварда Джонса, торговца лесоматериалами, от его собственного имени и от имени других лиц об объединении в компанию для импорта лесоматериалов из Германии.

16. Прошение нескольких купцов из Лондона о пожаловании права на объединение в компанию для открытия солеварни.

17. Прошение магната Макфедриса из Лондона, купца, от его собственного имени и от имени нескольких купцов, портных, шляпников, красильщиков и других ремесленников о пожаловании привилегии на объединение в компанию, позволяющей им собрать сумму денег, достаточную для покупки земель для посадки и выращивания растения марена с целью производства красителя.

18. Прошение Джозефа Галендо из Лондона, производителя нюхательного табака, о пожаловании прав на выращивание и заготовку виргинского нюхательного табака в Виргинии и во всех доминионах его величества».

СПИСОК ДУТЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Тем же приказом объявлялись незаконными и, соответственно, упразднялись следующие дутые предприятия:

1. По импорту шведского чугуна.
2. По снабжению Лондона битумным углем. Капитал – три миллиона.
3. По строительству и перестройке домов на всей территории Англии. Капитал – три миллиона.
4. По производству муслина.
5. По открытию и усовершенствованию британских алюминиевых заводов.
6. По эффективному заселению острова Бланко-энд-Сол-Тартагус.
7. По снабжению города Дила пресной водой.
8. По импорту фландрских кружев.
9. По благоустройству земель в Великобритании. Капитал – четыре миллиона.
10. По поощрению разведения лошадей в Англии, благоустройству церковных земель, ремонту и перестройке домов приходских священников и викариев.
11. По выплавке железа и стали в Великобритании.
12. По благоустройству земель в графстве Флинт. Капитал – один миллион.

13. По покупке земель для постройки домов. Капитал – два миллиона.
14. По торговле шерстью.
15. По строительству солеварен на острове Холи-Айленд. Капитал – два миллиона.
16. По купле-продаже поместий и ипотечному кредитованию.
17. По получению стабильно высокой прибыли из источника, не подлежащего разглашению.
18. По мощению улиц Лондона. Капитал – два миллиона.
19. По обустройству похорон в любой части Великобритании.
20. По купле-продаже земель и предоставлению денежных ссуд под проценты. Капитал – пять миллионов.
21. По ведению королевского рыбного промысла. Капитал – десять миллионов.
22. По обеспечению гарантированных выплат заработной платы морякам.
23. По строительству кредитных учреждений для содействия производству и его поощрения. Капитал – два миллиона.
24. По покупке и благоустройству земель, пригодных для сдачи в аренду. Капитал – четыре миллиона.
25. По импорту смолы и дегтя, а также другой продукции для флота из Северной Британии и Америки.
26. По торговле сукном, войлоком и желобчатой черепицей.
27. По покупке и благоустройству поместья и королевских владений в Эссексе.
28. По страхованию лошадей. Капитал – два миллиона.
29. По экспорту изделий из шерсти и импорту меди, латуни и чугуна. Капитал – четыре миллиона.
30. По открытию большой бесплатной аптеки для бедняков. Капитал – три миллиона.
31. По возведению мельниц и покупке месторождений свинца. Капитал – два миллиона.
32. По усовершенствованию мыловарения.
33. По заселению острова Санта-Крус.
34. По проходке шахт и выплавке свинца в Дербишире.
35. По изготовлению стеклянных бутылок и другой стеклянной посуды.
36. По созданию вечного двигателя. Капитал – один миллион.
37. По благоустройству садов.
38. По страхованию и увеличению денежных средств детей.
39. По регистрации и погрузке товаров на таможне и по совершению торговых сделок для купцов.
40. По производству шерстяных изделий на севере Англии.
41. По импорту ореховых деревьев из Виргинии. Капитал – два миллиона.
42. По изготовлению манчестерских тканей из нити и хлопка.
43. По изготовлению йоппского и кастильского мыла.
44. По усовершенствованию производства железа и стали в королевстве. Капитал – четыре миллиона.
45. По торговле кружевами, холстами, льняным батистом, батистом и т. п. Капитал – два миллиона.
46. По торговле и повышению качества определенных товаров, производимых в королевстве, и пр. Капитал – три миллиона.
47. По поставке крупного рогатого скота на лондонские рынки.
48. По изготовлению зеркал, оконных стекол для карет и т. п. Капитал – два миллиона.
49. По разработке месторождений олова и свинца в Корнуолле и Дербишире.
50. По производству рапсового масла.

51. По импорту бобрового меха. Капитал – два миллиона.
52. По производству картона и упаковочной бумаги.
53. По импорту масел и других материалов, используемых в производстве шерстяных изделий.
54. По усовершенствованию и расширению производства шелковых изделий.
55. По предоставлению займов на покупку акций, ежегодных рент, товаров в кредит и т. п.
56. По выплате пенсий вдовам и другим лицам с малой скидкой. Капитал – два миллиона.
57. По улучшению солодовых спиртных напитков. Капитал – четыре миллиона.
58. По крупномасштабной рыбной ловле в водах Америки.
59. По приобретению и благоустройству заболоченных земель в Линкольншире. Капитал – два миллиона.
60. По усовершенствованию производства бумаги в Великобритании.
61. По закладыванию судов или их грузов.
62. По сушке солода горячим воздухом.
63. По ведению торговли на реке Ориноко.
64. По более эффективному изготовлению байки в Колчестере и других районах Великобритании.
65. По закупке товаров для флота, поставке продовольствия и выплате заработной платы рабочим.
66. По трудоустройству бедных ремесленников и предоставлению купцам и другим лицам сторожей.
67. По усовершенствованию обработки почвы и разведения рогатого скота.
68. Еще одно предприятие по поощрению разведения лошадей.
69. Еще одно предприятие по страхованию лошадей.
70. По ведению торговли зерном на территории Великобритании.
71. По страхованию всех господ и дам от убытков, которые они могут понести по вине прислуги. Капитал – три миллиона.
72. По строительству домов или больниц для приема и ухода за незаконнорожденными детьми. Капитал – два миллиона.
73. По отбеливанию крупнозернистого сахара без использования огня или потери продукта.
74. По строительству в Великобритании дорожных застав и пристаней.
75. По страхованию от краж и ограблений.
76. По извлечению серебра из свинца.
77. По изготовлению изделий из фарфора и делфтского фаянса. Капитал – один миллион.
78. По импорту табака и его реэкспорту в Швецию и другие страны Северной Европы. Капитал – четыре миллиона.
79. По производству чугуна с использованием добытого в шахтах угля.
80. По снабжению Лондона и Вестминстера сеном и соломой. Капитал – три миллиона.
81. По строительству в Ирландии мануфактуры по производству парусины и упаковочного холста.
82. По нагрузению балластом.
83. По закупке и экипировке кораблей для борьбы с пиратами.
84. По импорту лесоматериалов из Уэльса. Капитал – два миллиона.
85. По добыче каменной соли.
86. По превращению ртути в ковкий чистый металл.

ИГРАЛЬНЫЕ КАРТЫ «ДУТЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ»

Опрометчивые глупцы стремглав кидаются в воды южных морей,
А предусмотрительные осторожно переходят их вброд.
Первые тонут, а умные остаются в живых,
Не осмеливаясь зайти глубже, чем по колено или по пояс.

Карикатура-дерево

Наряду с этими дутыми предприятиями ежедневно, несмотря на решение правительства и осмеяние здравомыслящей частью общества, возникало множество других. Типографии изобиловали карикатурами, а газеты – эпиграммами и насмешками над широко распространенным безрассудством. Один изобретательный фабрикант игральных карт напечатал колоду, посвященную Компании южных морей, которая сегодня является исключительной редкостью. Каждая ее карта, помимо обычных изображений очень маленького размера в одном углу, содержала карикатуру на то или иное дутое предприятие с соответствующей стихотворной подписью. Одним из самых знаменитых «мыльных пузырей» была «Компания по изготовлению машины Пакла», которая должна была стрелять круглыми и прямоугольными пушечными ядрами и пулями и совершить тотальную революцию в военном искусстве. Ее претензии на благосклонность публики были следующим образом резюмированы на восьмерке пик:

A rare invention to destroy the crowd
Of fools at home instead of fools abroad.
Fear not, my friends, this terrible machine,
They're only wounded who have shared therein⁶³.

На девятке червей была карикатура на Английскую медную и латунную компанию со следующей эпиграммой:

The headlong fool that wants to be a swopper
Of gold and silver coin for English copper,
May, in Change Alley, prove himself an ass,
And give rich metal for adultrate brass⁶⁴.

Восьмерка бубен «прославляла» компанию по колонизации Акейдии⁶⁵ следующими виршами:

He that is rich and wants to fool away
A good round sum in North America,
Let him subscribe himself a headlong sharer,
And asses' ears shall honour him or bearer⁶⁶.

В подобном стиле каждая карта колоды разоблачала какое-нибудь мошенническое предприятие и высмеивала тех, кто оказался его жертвой. Было подсчитано, что всего в эти проекты предусматривалось вложить свыше трехсот миллионов фунтов.

Пора, однако, вернуться к великому водовороту «южных морей», поглотившему состояния многих тысяч алчных и легковверных. 29 апреля курс акций вырос аж до пятисот фунтов, и примерно две трети лиц, получавших ежегодную государственную ренту, обменяли государственные ценные бумаги на акции Компании южных морей. В течение всего мая курс акций продолжал расти и 28-го числа достиг отметки в пятьсот пятьдесят фунтов.

---

⁶³ «Замечательное изобретение для уничтожения толпы дураков доморощенных вместо дураков заграничных. Не бойтесь, друзья мои, сей ужасной машины: ранены только те, кто на нее скинулся». – *Прим. пер.*

⁶⁴ «Безрассудный глупец, желающий поменять золотые и серебряные монеты на английскую медь, может на Чендж-эли доказать, что он осел, отдав драгоценный металл за поддельную латунь». – *Прим. пер.*

⁶⁵ Акейдия – прежнее название канадской провинции Новая Шотландия. – *Прим. пер.*

⁶⁶ «Он, богатый и стремящийся выбросить на ветер кругленькую сумму в Северной Америке, пусть подпишется, опрометчивый акционер, и ослиные уши найдут достойного обладателя». – *Прим. пер.*

Четыре дня спустя он сделал огромный скачок, и акции, стоившие пятьсот пятьдесят фунтов, сразу же подорожали до восьмисот девяноста. Воцарилось мнение, что котировка акций не сможет подняться выше, и многие использовали эту счастливую возможность их продажи с целью получения дохода. Множество дворян, людей из свиты короля и тех, кто собирался сопровождать его в Ганновер⁶⁷, также стремились продать свои акции. 3 июня на Аллее было так много продавцов и так мало покупателей, что котировка немедленно упала с восьмисот девяноста до шестисот сорока фунтов. Встревоженные директора компании приказали своим агентам скупать акции. Их усилия увенчались успехом. Ближе к вечеру доверие было восстановлено, и акции подорожали до семисот пятидесяти фунтов. С небольшими колебаниями они оставались на этой отметке до закрытия компанией подписки на них 22 июня.

Не нужно, да и неинтересно углубляться в подробности различных ухищрений, к которым прибегало руководство компании для поддержания цены акций. Достаточно сказать, что в конце концов они подорожали до тысячи фунтов. На этом уровне они котировались в начале августа. «Мыльный пузырь» был раздут до предела и начал дрожать и трястись, готовясь лопнуть.

Многие получатели государственной ренты выражали недовольство директорами компании, обвиняя их в пристрастном составлении списка акционеров каждого выпуска. Беспокойство усилилось, когда все узнали, что сэр Джон Блант, председатель правления компании, и некоторые другие лица продали свои акции. На протяжении всего августа котировки акций падали, и 2 сентября они стоили всего семьсот фунтов.

Положение стало угрожающим. Стараясь предотвратить полную потерю народного доверия к своей деятельности, директора созвали общее собрание всей корпорации, состоявшееся 8 сентября в Мёрчент-Тейлорз-Холле. К девяти часам утра в зале было не продохнуть; Чипсайд был запружен толпой тех, кто не мог попасть в здание, и царило величайшее возбуждение. Собралось множество директоров и их сторонников. Председательствовал сэр Джон Феллоуз, помощник управляющего. Он ознакомил присутствующих с причиной собрания, зачитал им несколько резолюций совета директоров и отчитался перед ними о деятельности руководства компании: о привлечении кредитов, размере доходов и вкладах по подписке. После этого г-н секретарь Крэгс выступил с краткой речью, в которой одобрил действия директоров и убеждал присутствующих в том, что ничто не сможет более эффективно способствовать успеху предприятия, чем их общие усилия. В заключение он поблагодарил совет директоров за благоразумное и умелое руководство, а также за их желание действовать наиболее сообразно интересам и выгоде корпорации. Г-н Хангерфорд, обративший на себя самое пристальное внимание в палате общин усердной защитой интересов Компании южных морей и не без оснований подозреваемый в том, что он, воспользовавшись моментом, весьма выгодно продал свои акции, был весьма высокопарен в своем выступлении. Он сказал, что видел взлеты и падения, распад и воссоздание множества подобных объединений, но что, по его мнению, ни одно из них не добилося столь замечательных результатов за столь короткое время, как Компания южных морей. Она, добавил он, сделала больше, чем могли сделать королевская власть, проповедники или судьи. Она примирила все враждующие стороны одним общим интересом; она утихомирила, если не полностью погасила, все разногласия и ссоры внутри страны. Благодаря росту курса ее акций богатые люди значительно приумножили свои богатства, а мелкопоместное дворянство удвоило и утроило стоимость своих земельных владений. В то же самое время она облагодетельствовала всю церковь, а не только нескольких преподобных, наживших значительные суммы посред-

⁶⁷ Имеется в виду существовавшее на территории Германии в 1714–1837 гг. курфюршество, а позднее королевство в личной (под властью одного монарха) унии с Великобританией. Георг I Людвиг, о котором идет речь, был первым королем так называемой Ганноверской династии. – *Прим. пер.*

ством данного проекта. Короче говоря, она обогатила целую нацию. Г-н Хангерфорд выразил надежду, что себя компания тоже не забыла. Последнее замечание вызвало свист, да и вся его речь, полная чрезмерных восхвалений, скорее напоминала сатиру; но директора и их сторонники, а также все оставшиеся в выигрыше от биржевых спекуляций неистово аплодировали. Герцог Портлендский высказался примерно в том же духе и чрезвычайно удивился тому, что вообще нашлись недовольные деятельностью компании; он, разумеется, нажился в результате своих спекуляций и сильно смахивал на толстого олддермена⁶⁸ из «Шуток» Джо Миллера, который после всякого сытного обеда складывал руки на пузе и выражал сомнение в том, что в мире есть хоть один голодный человек.

На этом собрании было принято несколько резолюций, но они не возымели действия на публику. В тот же вечер курс акций упал до шестисот сорока, а на следующий день – до пятисот сорока фунтов. День за днем он продолжал падать и наконец достиг отметки всего в четыреста фунтов. В письме г-на Бродрика, члена парламента, лорд-канцлеру⁶⁹ Мидл-тону, датированном 13 сентября и приведенном в «Уолполе» Кокса, есть такие строки: «Существуют различные предположения относительно того, почему у директоров Компании южных морей так быстро возникли проблемы. Я никогда не сомневался, что так и будет, понимая, на что они делают ставку. Они увеличили объем эмиссии акций настолько больше допустимой величины, что металлических денег для поддержания их оборота оказалось недостаточно. Лидеры компании, страхуя себя за счет денег обманутых вкладчиков, затянули в свои сети огромное число беспечных, чей рассудок победили жадность и надежда сделать из мухи слона. Тысячи семей будут доведены до нищеты. Ужас людей невыразим, ярость их неопишима, и ситуация в целом настолько отчаянная, что я не вижу никакого плана или схемы хороших настолько, чтобы отвести от людей этот удар, и даже не могу предположить, что надо делать дальше». Десять дней спустя, когда курс акций все еще падал, он писал: «Компания еще не пришла ни к какому решению, ибо залезла в такие дебри, что не знает, куда повернуть. Из разговоров нескольких недавно прибывших в город мелких дворян я понял, что к Компании южных морей относятся с растущим отвращением во всех провинциях. Очень многие ювелиры уже разорены, и еще больше разорятся в ближайшее время. Я задаюсь вопросом, сможет ли хотя бы треть, нет, четверть их выдержать все это. С самого начала я, глядя на всю эту затею, полагал очевидным, что всей находящейся в обращении наличности недостаточно для обеспечения оборота выпущенных акций. Из этого я делаю вывод, сколь бы он ни был сомнителен, что данное обстоятельство явится причиной того, что величественное здание нашего государства неминуемо рухнет».

12 сентября по настойчивой просьбе г-на секретаря Крэгса было проведено несколько совещаний между директорами Компании южных морей и Английского банка. Распространились слухи о том, что последние согласились на выпуск Компанией южных морей облигаций на шесть миллионов фунтов, что вызвало повышение курса акций до шестисот семидесяти фунтов; но после полудня, как только эти слухи оказались безосновательными, он опять упал до пятисот восьмидесяти, на следующий день – до пятисот семидесяти, а в последующие дни плавно опустился до четырехсот⁷⁰.

⁶⁸ Олддермен – здесь: старший советник лондонского муниципалитета или член совета графства в Англии и Уэльсе; в более широком смысле – старейшина в англосаксонском обществе. – *Прим. пер.*

⁶⁹ Глава судебного ведомства и верховный судья Англии, председатель палаты лордов и одного из отделений верховного суда, хранитель печати. – *Прим. пер.*

⁷⁰ В тот бедственный год Гей (поэт) получил в подарок от Крэгса-младшего некоторое число акций Компании южных морей и однажды предположил, что у него есть двадцать тысяч фунтов. Друзья убеждали его продать эти акции, но ему, грезившему о титуле и славе, была невыносима сама мысль о том, что что-то может помешать ему стать богатым. Тогда его стали настойчиво упрашивать продать акции на такую сумму, которой бы ему хватило на безбедную жизнь, «чтобы, – сказал Фентон, – у тебя каждый день была чистая рубашка и баранья лопатка». Совет был отклонен, выгода и капитал – утрачены, а Гей очутился в столь бедственном положении, что его жизнь оказалась в опасности. (Джонсон «Биографии

Кабинет министров был не на шутку встревожен таким положением дел. Ни одно появление директоров компании на улицах города не обходилось без оскорблений; в любой момент могли начаться беспорядки. Находившемуся в Ганновере королю были отправлены депеши с призывами немедленно вернуться в Англию. За г-ном Уолполом, находившимся в своем поместье, послали, чтобы он использовал свое известное влияние на директоров Английского банка и убедил их принять предложение Компании южных морей о запуске в обращение некоторого числа ее облигаций.

Банк очень не хотел оказаться замешанным в дела компании; его директора боялись втягиваться в бедствия, которых они не могли предотвратить, и встречали все инициативы компании с явным скепсисом. Но вся страна в один голос призывала банк прийти ей на помощь. Всех выдающихся коммерсантов попросили предложить путь выхода из кризиса. В итоге за основу дальнейших переговоров был взят черновик договора, составленный г-ном Уолполом, и общественное смятение несколько улеглось.

На следующий день, 20 сентября, в Мёрчент-Тейлорз-Холле состоялось общее собрание Компании южных морей, на котором были приняты резолюции, давшие ее директорам полномочия заключить соглашение с Английским банком или любыми другими лицами о запуске в обращение облигаций компании или любое другое соглашение с Английским банком, какое они сочтут нужным. Один из ораторов, некий г-н Палтни, сказал, что он в высшей степени удивлен той странной паникой, в которую впал народ. Люди носились туда-сюда в смятении и ужасе, их воображение рисовало картину большой беды, о форме и размерах которой никто не имел представления:

Black it stood as night –
Fierce as ten furies – terrible as hell⁷¹.

На общем собрании Английского банка, состоявшемся два дня спустя, управляющий сообщил присутствующим о нескольких заседаниях, проведенных в связи с деятельностью Компании южных морей, и добавил, что директора еще не пришли ни к какому решению по данному вопросу. Затем была предложена и единогласно принята резолюция, уполномочившая директоров банка заключить с директорами Компании южных морей соглашение о запуске в обращение ее облигаций на ту сумму, на тех условиях и на тот срок, какие они сочтут нужными.

Таким образом, обе стороны теперь могли свободно предпринимать действия, максимально, с их точки зрения, выгодные обществу. Банк объявил подписку на облигации на сумму три миллиона фунтов для поддержания национальной кредитной системы. Условия были обычными: задаток – 15 фунтов на сотню, надбавка – 3 фунта на сотню, доход – 5 фунтов. Ранним утром собралось так много людей, которым не терпелось вложить свои деньги, что подписка, казалось, должна была растянуться на весь день; но к полудню поток желающих иссяк. Несмотря на все принятые меры, курс ценных бумаг Компании южных морей быстро падал. Ее облигации обесценились настолько, что среди виднейших ювелиров и банкиров началась паника; некоторые из них, ранее ссудив огромные суммы под залог ценных бумаг Компании южных морей, были вынуждены закрыть свои лавки и конторы и скрыться. Компания-изготовитель клинков, которая до сих пор была главным кассиром Компании южных морей, приостановила платежи. Это событие, расцененное как начало катастрофы, повлекло за собой массовое изъятие вкладов из Английского банка, который теперь был вынужден выплачивать деньги гораздо быстрее, чем они поступали по утрен-

поэтов»). – *Прим. авт.*

⁷¹ «Она была черна, как ночь, свирепа, как десять фурий, ужасна, как ад». – *Прим. пер.*

ней подписке. Следующий день (29 сентября) был выходным, и банк получил небольшую передышку. Он поплыл против ветра, но его прежний конкурент, Компания южных морей, при этом потерпела крушение. Котировка ее акций упала до ста пятидесяти фунтов и постепенно, после ряда колебаний, снизилась до ста тридцати пяти.

Директора банка, поняв, что им не под силу вернуть доверие народа и предотвратить крах, не подвергая себя риску пойти ко дну вместе с теми, кого они намеревались спасти, отказались выполнять соглашение, участниками которого являлись. Они сложили с себя всякую ответственность за его дальнейшее выполнение, заявив, что так называемый договор – не более чем черновик соглашения, в котором есть несколько серьезных пробелов и которое не предусматривает никакого наказания за выход из него Английского банка. «Таким образом, – гласит «История парламента», – за восемь месяцев мы были свидетелями взлета, прогресса и падения этого могущественного сооружения, которое, будучи вознесенным некими тайными мотивами до заоблачных высот, приковало к себе взгляды и ожидания всей Европы, но фундамент которого, будучи замешанным на обмане, иллюзии, легковереии и безрассудстве, рухнул, как только вскрылись ухищрения его директоров».

В самый разгар активности компании, на пике этого опасного слепого ажиотажа, нравы народа заметно упали. Парламентское расследование, начатое для выявления виновных, вскрыло позорные эпизоды, в равной степени пятнающие как мораль самих правонарушителей, так и интеллект людей, поддавшихся на их посулы. Изучение всех тех зол, что явились результатом описываемой аферы, чрезвычайно интересно. Нации, как и индивидуумы, не могут становиться безрассудными аферистами безнаказанно. Рано или поздно их постигает кара. Один знаменитый писатель⁷² совершенно не прав, утверждая, что «эпоха, подобная этой, – самая неприятная для историка; никакого читателя, обладающего чувствительностью и воображением, нельзя развлечь или заинтересовать детальным описанием подобных сделок, не допускающим ни эмоций, ни колорита, ни приукрашивания, – описанием, демонстрирующим лишь унылую картину безвкусного порока и низменного вырождения». Напротив (и Смоллетт бы это обнаружил, если бы захотел), эта тема способна вызвать настолько большой интерес, что за нее с радостью ухватился бы даже какой-нибудь писатель-романист. Разве нет эмоций в отчаянии ограбленных людей, нет жизни и живости в картине несчастий сотен доведенных до нищеты и разоренных семей, в том, как вчерашние богачи сегодня становятся нищими, как могущественные и влиятельные превращаются в отверженных и изгоев, как самопорицания и проклятия звучат в каждом уголке страны? Разве скучна или непоучительна картина того, как целый народ внезапно стряхивает с себя оковы здравого смысла и без оглядки гонится за золотым миражом, упрямо отказываясь поверить в его призрачность до тех пор, пока, словно введенный в заблуждение крестьянин, бегущий за *ignis fatuus*⁷³, не оказывается в болоте? Но в таком ложном ключе история писалась слишком часто. Летописи содержат пространные описания интриг недостойных придворных с целью добиться благосклонности еще более недостойных королей или нескончаемые рассказы о кровопролитных баталиях и осадах, красноречивые и захватывающие, тогда как обстоятельства, оказавшие решающее влияние на моральное состояние и благоденствие людей описываются лишь мельком, как скучные и неинтересные, не заслуживающие ни эмоций, ни колорита.

Пока разрастался этот знаменитый «мыльный пузырь», Англия являла собой в высшей степени необычное зрелище. Общественное сознание пребывало в состоянии нездорового возбуждения. Людей больше не удовлетворяли медленно растущие, но гарантированные доходы от вкладов. Упование на получение несметного богатства завтра делало их

⁷² Смоллетт. – Прим. авт.

⁷³ Блуждающим огоньком (лат.). – Прим. пер.

глупыми и сумасбродными сегодня. Тяга к неслыханной роскоши неизбежно влекла за собой размытость моральных устоев. Повелительное высокомерие невежд, внезапно разбогатевших в результате удачных спекуляций, заставляло людей действительно утонченных и воспитанных краснеть оттого, что обладание золотом позволяло недостойным подниматься по социальной лестнице. Надменность некоторых этих «счетоводов с улицы», как их назвал сэр Ричард Стил, вышла им боком в их черные дни. В результате парламентского расследования многие директора больше пострадали за свое оскорбительное высокомерие, чем за казнокрадство. Один из них, возгордившийся богатый невежда, однажды заявивший, что он будет кормить свою лошадь золотом, был посажен чуть ли не на хлеб и воду. Им припомнили каждый высокомерный взгляд, каждую надменную речь и стократно отплатили бедностью и унижением.

Положение дел в стране было настолько тревожным, что Георг I сократил свое запланированное пребывание в Ганновере и со всей поспешностью вернулся в Англию. Он прибыл 11 ноября, и на 8 декабря было назначено заседание парламента. Тем временем во всех крупных городах империи прошли общественные митинги, на которых были приняты петиции, призывавшие законодательную власть отомстить директорам Компании южных морей, которые своей мошеннической деятельностью поставили страну на грань разорения. Никто, казалось, не понимал, что сам народ виновен в случившемся в той же степени, что и Компания южных морей. Никто не обвинял людей в легковерии и алчности – в низменной жажде наживы, поглотившей все лучшие качества национального характера, или в безрассудстве, заставившем толпу бежать с неистовым рвением в сеть, расставленную для нее расчетливыми прожекторами. Об этом никогда не упоминалось. Бытовало мнение, что те, кто попался в эту сеть, – простые, честные, работающие люди, разоренные шайкой грабителей, которых следует повесить, выпотрошить и четвертовать без всякой жалости.

Так считала почти вся страна. Обе палаты парламента не являлись исключением. Вина директоров Компании южных морей еще не была установлена, а парламентарии уже жаждали их крови. Король в своей тронной речи выразил надежду, что они вспомнят о благоразумии, успокоятся и вынесут необходимую резолюцию о поиске и принятии должных мер для нормализации обстановки. В ответных прениях некоторые ораторы не скупились на самые яростные выпады в адрес директоров компании. Особенно неистовствовал лорд Молсуорт.

«Некоторые говорили, что нет такого закона, согласно которому можно было бы наказать директоров Компании южных морей, коих справедливо считали виновниками бед, обрушившихся на государство. По его мнению, это был тот случай, когда следовало бы взять пример с древних римлян, которые, не имея закона против отцеубийства из-за того, что их законодатели полагали, что ни один сын не может быть столь противоестественно злобен, чтобы обгадить руки кровью отца, ввели закон, предусматривавший наказание за это гнусное преступление сразу же по его совершении. Признанного виновным негодяя зашивали в мешок и живьем бросали в Тибр. Он считал авторов и исполнителей злодейского плана “южных морей” отцеубийцами своей страны и сказал, что с удовольствием посмотрел бы на то, как их подобным же образом завяжут в мешок и бросят в Темзу»⁷⁴. Другие члены парламента высказывались столь же запальчиво и неблагоразумно. Г-н Уолпол был более сдержанным. Он посоветовал парламентариям в первую очередь позаботиться о возрождении национальной кредитной системы: «Если бы город Лондон горел, все умные люди, прежде чем искать поджигателей, бросились бы помогать тушить пожар и предотвращать распространение огня. Национальная кредитная система получила серьезную рану и лежит, истекая кровью, и им следовало бы быстро остановить кровотечение. С наказанием убийцы можно

⁷⁴ Кавычки автора. Очевидно, цитата из какой-то книги. – *Прим. пер.*

и подождать». 9 декабря в ответ на речь Его Величества было (после поправки, принятой без голосования) утверждено обращение, суть которого сводилась к тому, что палата общин по-прежнему полна решимости не только избавить страну от бед, но и покарать их инициаторов.

Расследование шло быстро. Директорам было приказано представить палате общин полный отчет об их деятельности. Были приняты резолюции, содержание которых сводилось к тому, что основной причиной бедствия являются низменные ухищрения биржевых спекулянтов и что восстановлению национальной кредитной системы более всего способствовало бы принятие закона, не допускающего подобной позорной практики. Тогда г-н Уолпол встал и сказал, что, как он давал понять ранее, он затратил некоторое время на разработку плана возрождения национальной кредитной системы, но, так как его выполнение зависит от позиции, которая ранее была принята за основу, он, прежде чем изложить свой план, считает целесообразным узнать, может ли он полагаться на эту основу. Он хотел знать, останутся ли принятие на себя государственных долгов и обязательств с обеспечением имуществом, приобретение ценных бумаг по подписке и другие контракты, заключенные с Компанией южных морей, в своем нынешнем виде. Этот вопрос вызвал оживленные дебаты. В итоге 259 голосами против 117 было решено, что все эти контракты останутся в силе до тех пор, пока не будут изменены с целью оказания помощи пайщикам общим собранием Компании южных морей или аннулированы надлежащей правовой процедурой. На следующий день г-н Уолпол представил на заседании парламентского комитета свой план возрождения национальной кредитной системы, суть которого заключалась в передаче на определенных условиях девяти миллионов акционерного капитала Компании южных морей Английскому банку и такой же суммы – Ост-Индской компании⁷⁵. План был благосклонно принят палатой общин. После немногочисленных возражений было предписано принять соответствующие предложения двух финансовых корпораций. Обе компании были не расположены идти навстречу парламенту, и план встретил активное, хотя и бесплодное, противодействие на их общих собраниях, созданных для его обсуждения. Их тем не менее полностью устроили условия, на которых им предлагалось согласиться ввести в обращение облигации Компании южных морей, и они представили комитету свой отчет, после чего под контролем г-на Уолпола был внесен законопроект, который был благополучно принят обеими палатами парламента.

Одновременно был внесен законопроект о запрещении директорам, управляющему, помощнику управляющего, казначею, кассиру и клеркам Компании южных морей покидать королевство в течение года, об описи их движимого и недвижимого имущества и предотвращении его перевозки или отчуждения. Все наиболее влиятельные члены палаты общин поддерживали законопроект. Г-н Шиппен, видя, что г-н секретарь Крэгс присутствует на заседании, и веря оскорбительным слухам о руководящей роли этого министра в деятельности Компании южных морей, решил задеть его за живое. Он сказал, что рад видеть, как британская палата общин обретает былую силу и дух и столь единодушно действует на благо общества. Необходимо, продолжал он, арестовать самих директоров компании, ее служащих и их имущество. «Но, – добавил он, пристально глядя на г-на Крэгса, – есть и другие высокопоставленные лица, чьи имена я, как только придет время, не побоюсь назвать и чья вина не уступает вине директоров компании». Разгневанный г-н Крэгс встал и сказал, что если эти инсинуации направлены против него, то он готов принять вызов от кого угодно в стенах палаты или за ее пределами. Немедленно отовсюду раздались громкие призывы к порядку. Посреди этой суматохи встал лорд Молсуорт и выразил удивление дерзостью г-

⁷⁵ Существовавшая в 1600–1858 гг. компания английских купцов, созданная в основном для торговли с Ост-Индией (название территории Индии и некоторых других стран Южной и Юго-Восточной Азии). – *Прим. пер.*

на Крэгса, бросившего вызов всей палате общин. Хотя лорд Молсуорт был довольно пожилым человеком (ему было за шестьдесят), он ответил бы г-ну Крэгсу в стенах палаты, независимо от того, что ему пришлось бы при этом сказать, и он верил, что найдется немало молодых людей, которые не побоятся встретиться с г-ном Крэгсом лицом к лицу снаружи. Призывы к порядку прозвучали вновь, парламентарии одновременно встали и, казалось, заголосили все разом. Спикер тщетно призывал их к порядку. Замешательство длилось несколько минут, в течение которых лорд Молсуорт и г-н Крэгс были едва ли не единственными членами палаты, сидящими на своих местах. Наконец призывы, обращенные к г-ну Крэгсу, стали настолько требовательными, что он счел нужным подчиниться всеобщему настроению палаты и объяснить свое непарламентское выражение. Он сказал, что под принятием вызова от тех, кто ставит под сомнение его деятельность в этой палате, он имел в виду не дуэль, а лишь желание отчитаться о своих действиях. На этом инцидент был исчерпан, и палата продолжила обсуждение того, каким образом ей следует вести расследование деятельности Компании южных морей – в виде большого или же особого комитета. В конечном счете был назначен тайный комитет из тринадцати человек, уполномоченный посылать за людьми, документами и записями.

Палата лордов была столь же рьяной и резкой в своих суждениях, что и палата общин. Епископ Рочестерский сказал, что это предприятие было подобно эпидемии. Герцог Уортонский заявил, что палате не следует выказывать никакого уважения к виновным и что он, со своей стороны, отвернулся бы от лучшего друга, окажись тот вовлеченным в эту аферу. Он добавил, что нация была ограблена самым позорным и вопиющим образом и что он, как и любой на его месте, не остановился бы перед самым суровым наказанием негодяев. Лорд Стенхоп сказал, что каждый фартинг, принадлежащий преступникам, будь они директорами или нет, следует конфисковать для возмещения понесенных народом убытков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.